

ЗАПИСКИ В. В. МАРКОВНИКОВА.

Помѣщая у себя Записки В. В. Марковникова, опасаемся подвергнуться нареканію тѣхъ лицъ, которыя могутъ указать намъ, что у насъ же помѣщена біографія Н. П. Боголѣпова („Русск. Архивъ“ 1906), выражавшаго вовсе несхожіе съ Марковниковымъ взгляды на плачевную исторію Московскаго университета за первые годы текущаго столѣтія. Но, держась (по самому предмету посильныхъ трудовъ своихъ на пользу родного историческаго самосознанія) началъ охранительныхъ, изданіе наше никогда не служило „злѣбъ дня“ и не сближалось ни съ „свободныхъ мыслей коноводами“, которые нерѣдко бывають „восточнымъ деспотамъ сродни“, ни съ безшабашными противниками новизны. „Русскій Архивъ“ есть сборникъ достопамятностей, для будущаго берегающій разнообразныя проявленія минувшей жизни. Выходитъ онъ тетрадями для удобства читателей, которымъ отъ того легче находить искомое. И Н. П. Боголѣповъ, къ которому питали мы отминное почтеніе и котораго книга о Римскомъ правѣ переживетъ поколѣнія, и В. В. Марковниковъ, стяжавшій себѣ почетное имя въ Западной Европѣ, оба—люди вполне достопамятные. Одинъ заплатилъ жизнью за свои убѣжденія, другой вслѣдствіе тѣхъ же студенческихъ передерягъ покинулъ свою любимую Химическую лабораторію, что, конечно, и сократило ему вѣкъ. Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ дней!

Нѣсколько показаній о жизни В. В. Марковникова извлекаемъ изъ статьи И. А. Каблукова въ Ломоносовскомъ сборникѣ.

Владимиръ Васильевичъ Марковниковъ родился 10 Декабря 1838 года, въ деревнѣ Чернорѣчѣ близъ Нижняго-Новгорода, дѣтство свое провелъ въ городѣ Княгининѣ, десяти лѣтъ отданъ былъ въ Нижегородскій Дворянскій Институтъ, откуда поступилъ въ Казанскій университетъ, тамъ сдѣлался ученикомъ знаменитаго профессора Бутлерова, въ 1860 году былъ опредѣленъ и съ 1862 года сталъ преподавать химію. Затѣмъ онъ посланъ былъ въ чужіе края и работалъ въ тамошнихъ лабораторіяхъ. Въ 1872 году видимъ его профессоромъ химіи въ Одессѣ, а въ слѣдующемъ году уже въ Москвѣ, гдѣ онъ прослужилъ до 1892 года и окончилъ жизнь въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора 29 Января 1904 года. Его любовь къ родинѣ и ея преуспѣянію не знали себѣ границъ. П. Б.

Маленькое предисловіе.

Рѣшаюсь, наконецъ, попытаться приняться за то, что давно соби-
рался сдѣлать. Но вести правильныя Записки нѣтъ свободнаго времени,
особенно теперь, когда принялся за описаніе накопившагося обильнаго
матеріала по лабораторнымъ работамъ. Подобно большинству моихъ
соотечественниковъ, я не охотникъ писать и печатать и дѣлаю это
лишь тогда, если вопросъ затрагиваетъ меня за живое. Въ научныхъ
работахъ, какъ скоро вопросъ для меня разъяснялся, то онъ уже пере-
ставалъ меня интересовать, и я брался за другой, а разработанное не
спѣшилъ публиковать или публиковалъ въ сжатомъ видѣ, но не изъ
лѣни: мнѣ всегда казалось неловкимъ, не деликатнымъ затруднять чи-
тателя подробнымъ разъясненіемъ и аргументаціей того, что я самъ
считалъ вполне яснымъ. Въ результатѣ я отъ этого много проигрывалъ,
и оказывалось, то самое, что всѣ мои слушатели многіе годы слышали
отъ меня на лекціяхъ и что я считалъ всѣмъ извѣстнымъ, какой-ни-
будь Нѣмецкій химикъ рассказывалъ въ своей статьѣ какъ новость.
Говорю это такъ, вообще, для характеристики. Почему же я взялся за
Записки именно теперь, когда занять другимъ, а для поправленія здоровья
Захарьинъ велѣлъ работать вообще возможно меньше? Отвѣтъ: мнѣ 54 года,
нервы такъ разстроены, что въ предпрошлую зиму я совсѣмъ не могъ
работать; память начинаетъ сильно измѣняться. А мнѣ хотѣлось бы когда
нибудь описать многое изъ пережитаго, что имѣетъ общественный
интересъ, какъ явленія характерныя для своего времени. Начинаю же
теперь потому, что въ Университетѣ *) переживаемъ вотъ уже нѣсколько
лѣтъ знаменательное время. Въ нашемъ частномъ уголкѣ творится
тоже, что и по всей богоспасаемой Руси. Это, мнѣ кажется, можно
бы изобразить картиной такъ, какъ я видѣлъ въ очеркахъ Флаксмана
къ Дантову Аду. Изображенъ одинъ изъ адскихъ круговъ, въ простран-
ствѣ несутся толпы тѣней въ хаосѣ съ гамомъ, свистомъ, пляской.
Все это кружится и куда-то стремится. Разница между Адомъ и Рус-
скимъ обществомъ купно съ правительствомъ (которое есть продуктъ
того же общества) та, что въ Аду по кругу носятся однѣ и тѣже
грѣшныя тѣни, а у насъ смѣняющіяся поколѣнія. Наша свистопляска
началась съ того момента, когда, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права,
вся Россія, выбитая изъ привычной, усвоенной вѣками колеи рабства,
очутилась на новомъ пути, который вотъ уже тридцать лѣтъ мы
усердно другъ другу мѣшаемъ выровнять. Сначала свистопляска шла
подъ либеральнымъ знаменемъ съ неясной надписью, которая однако

*) Московскомъ. П. Б.

постепенно выяснилась и оказалась давно знакомымъ нашимъ національнымъ девизомъ: праву моему не препятствуй, не то всѣхъ сокрушу. Теперь на смѣну явилось знамя консерваторовъ. Катковъ написалъ на немъ: „правительство возвратилось“, какъ будто прежняя, такъ называемая либеральная свистопляска шла не съ правительствомъ во главѣ? Но *gratez un peu le Russe, vous y trouverez toujours le Tartare* *). Соскoblите Катковскую надпись, и на знамени выступятъ старыя, знакомыя слова. Вотъ чтò я бы привѣтствовалъ съ восторгомъ, какъ появленіе новаго, чего Россіи недостаетъ со временъ Ивана Грознаго: уваженіе къ закону, уваженіе къ личности. Но надо, чтобы эти слова составляли одно цѣлое съ тканью знамени; чтобы ни одинъ самодуръ, подъ предлогомъ общей пользы, не могъ ихъ уничтожить, не уничтоживъ самого знамени, и чтобы въ общественномъ и правительственномъ сознаніи твердо укоренилось убѣжденіе, что Россія, изорвавъ это знамя, совѣмъ останется безъ знамени. Я и мои дѣти, конечно, не увидятъ еще такого знамени. Да и вообще сомнительно, чтобы оно когда либо появилось, такъ какъ едва-ли оно существовало и до Ивана Грознаго. Вѣдь онъ былъ бы немислимъ, если бы Россія традиціонно не привыкла преклоняться передъ произволомъ. А если это такъ, то куда-же мы идемъ? Можетъ ли при такихъ условіяхъ существовать какое-либо общество? Не воспользуются-ли наконецъ сосѣди, когда у насъ заварится какая-нибудь внутренняя, домашняя каша, и не случится ли съ нами того же, чтò случилось съ Польшей? Вѣдь мы, хотя и враждующіе, но родные братья.

Я терпѣть не могу людей, говорящихъ одно, а дѣлающихъ другое. Вотъ почему мнѣ болѣе симпатичны консерваторы. Они дозволяютъ себѣ произволь, но вѣдь они открыто и проповѣдуютъ, что безъ произвола мы жить не можемъ. Мои симпатіи, можетъ быть, обусловливаются еще инстинктивнымъ сознаніемъ вышеупомянутыхъ національныхъ традицій; наши же либералы проповѣдуютъ свободу, уваженіе къ закону, а на дѣлѣ уважаютъ законъ лишь по стольку, по скольку онъ содѣйствуетъ ихъ цѣлямъ и удовлетворяетъ ихъ вкусамъ, а свобода понимается ими въ чисто-Русскомъ стилѣ: отсутствіе всякой дисциплины и уничтоженіе того, чтò не подходитъ подъ догматы ихъ катехизиса, не справляясь ни съ исторіей, ни съ обстоятельствами, ни съ тѣмъ, на сколько это нарушаетъ права другихъ, т. е. опять тотъ же произволь подъ предлогомъ общественнаго блага. Кажется ясно, что при такихъ взглядахъ я не могъ подходить подъ общепринятый у насъ

*) Поскребите немножко Русскаго, всегда окажется Татаринъ. П. Б.

шаблонъ, раздѣляющій обыкновенно всѣхъ на либераловъ и консерваторовъ. При моей манерѣ высказывать откровенно мои мнѣнія, ни тѣ, ни другіе не могли считать меня въ своемъ лагерѣ, потому что всѣмъ одинаково приходилось выслушивать отъ меня непріятныя истины. Такъ, однажды Ревельскому губернатору, князю Шаховскому, ярому руссификатору Остзейскихъ провинцій, рассказывавшему мнѣ о безобразіяхъ баронскаго управленія, я сказалъ: Все это такъ и терпимо быть не можетъ; но оно создано исторически и должно быть измѣнено постепенно къ лучшему; но сломавъ все сразу и уничтоживъ какой ни на есть все же законъ, порядокъ и традиціи, чтоже можемъ дать мы взамѣнъ уничтоженнаго, кромѣ нашего становаго пристава? Либералы мнѣ противны тѣмъ, что воображаютъ себя передовыми и развитыми представителями цивилизаціи, между тѣмъ какъ они несомнѣнно глупѣе политически, чѣмъ болѣе развитые изъ консерваторовъ, и дальше своего носа не видятъ. Это я и выставлю имъ постоянно на видъ.

Сказаннаго довольно, чтобы хотя отчасти рекомендовать себя читателю. Хотя очень и очень многое хотѣлось бы сказать, но сразу всего не скажешь. Можетъ быть, это удастся, если мнѣ не надоѣсть писать или если я не забуду эту тетрадку, что легко возможно. Во всякомъ случаѣ не предполагается что либо вполне обработанное. Это будетъ конспектъ для памяти и для будущей обработки, если только я за нее когда нибудь примусь. Вѣрнѣе, что нѣтъ; такъ какъ не могу, напримѣръ, приняться за окончаніе своего изслѣдованія Астраханскихъ соляныхъ озеръ, хотя весь матеріалъ готовъ и результаты интересны, а Островскій¹⁾ обѣщаетъ деньги на изданіе. Но этотъ вопросъ пересталъ меня интересовать. Ну, en avant les folichons!²⁾ А пока пора спать. 8 Декабря 1892 года.

16 Декабря (1892). Сегодня мое рожденіе. Стукнуло уже 55 лѣтъ. Я 25 лѣтъ состою завѣдующимъ лабораторіей, а чины Университетскаго Правленія, начиная съ безграмотнаго секретаря-Армянина, все учатъ какъ это дѣлать и разнымъ формальностямъ, въ которыхъ, по новости для нихъ дѣла, сами понимаютъ очень мало. Это отнимаетъ время, раздражаетъ и въ концѣ концовъ мѣшаетъ дѣлать дѣло. Вотъ уже болѣе недѣли Университетъ весь взволнованъ въ сущности пустякомъ, изъ котораго ректоръ, по своей безтактности, сумѣлъ сдѣлать важный вопросъ. Передъ обычнымъ студенческимъ концертомъ онъ получилъ анонимное, угрожающее письмо. Распорядители приняли мѣры противъ

1) Министръ государственныхъ имуществъ. П. Б.

2) Впередъ, ребята! П. Б.

скандала въ концертѣ. При существующей нравственной распущенности кто изъ насъ не получалъ подобныхъ писемъ? Я долго этимъ возмущался, но, при общемъ равнодушіи остальныхъ, давно уже примирился. Ректоръ же вздумалъ объясняться съ первокурсниками на лекціи, расплакался и благодарилъ ихъ за сочувствіе его распоряженіямъ. Первокурсники затѣяли адресъ; всѣ остальные студенты, особенно естественники, этого не одобрили. Началась сумятица, которая еще усилилась, когда ректоръ пригласилъ къ себѣ распорядителей концерта, чтобы благодарить за охраненіе его личности. Распорядители рѣшили отвѣтить, что они охраняли по обязанности вообще порядокъ, и когда начали говорить въ этомъ духѣ, то выскочилъ юристъ и началъ трогательную рѣчь. Остальные повернулись, и одинъ за другимъ ушли. Толки и смута усилились. Естественники и медики возмущаются раблѣпствомъ юристовъ, затѣявшихъ адресъ изъ-за экзаменовъ. Благоразумные опасаются волнений, обвиняя во всемъ ректора. Тотъ подалъ въ отставку. Это уже совсѣмъ не хорошо. Медицинскій факультетъ является къ нему *in cogroge* для выраженія сочувствія, Стороженко и Виноградовъ затѣваютъ адресъ отъ всѣхъ профессоровъ и, не собравъ всѣхъ на совѣщаніе, посылаютъ циркулировать адресъ. Большинство, конечно, подписывается, другіе же просто уклоняются отъ подписи. Я написалъ: „совершенно несогласенъ“, возмущенный способомъ предьявленія, потому что мнѣ сунулъ адресъ солдатъ передъ самой лекціей. Очевидно, большинство не знаетъ совершенно нестерпимыхъ выходокъ ректора съ нѣкоторыми профессорами. Образъ его дѣйствій характеризуется слѣдующей фразой, сказанной мнѣ еще въ первое ректорство: „Я всегда болѣе повѣрю чиновнику канцеляріи, чѣмъ профессору; потому что чиновники отъ меня зависятъ, а профессора нѣтъ“. Мило и въ особенности логично. Теперь онъ проводитъ этотъ взглядъ во всей строгости, но разумѣется не по отношенію ко всѣмъ, а смотря по симпатіямъ. Ректоръ взялъ назадъ прошеніе, но сказалъ, что долго все-таки не останется. Врачи говорятъ, что онъ неврастеникъ. Онъ самъ сознается, что не спитъ по ночамъ, въ особенности вслѣдствіе послѣдняго объясненія со Столѣтовымъ, гдѣ онъ, уличенный вновь, велъ себя крайне неприлично. Очевидно, онъ не можетъ оставаться ректоромъ; да и бесполезенъ, потому что все для него въ формѣ, а дѣла онъ или очень туго или совсѣмъ не понимаетъ. Всѣмъ хозяйствомъ Правленіе завѣдуетъ безалаберно, и никто никогда не взглянетъ, что и какъ дѣлается.

Сегодня приходилъ Столѣтовъ съ Тимирязевымъ показать извинительный отвѣтъ попечителя, который по самому существенному пункту крючкотворски увильнулъ. Но все-таки надо думать, что онъ убѣдился

въ невозможности полагаться на слова ректора и въ невоздержанности его. Я предложилъ послать адресъ Пастэру (70 лѣтъ) и почетное членство и спросилъ на то согласія всѣхъ членовъ Совѣта циркулярной повѣсткой, на которой каждый написалъ бы свое согласіе или несогласіе. Такъ дѣлалось прежде постоянно съ вопросами спѣшными и неспорными, чтобы не собирать для этого особаго засѣданія Совѣта; но ректоръ и тутъ нашелъ серьезное отступленіе отъ формы и отложилъ дѣло до ближайшаго Совѣта. Такимъ образомъ постановленіе состоялось уже послѣ празднества, въ которомъ принимали участіе вмѣстѣ съ Французскимъ правительствомъ весь дипломатическій корпусъ и была прислана масса адресовъ и почетныхъ дипломовъ отъ ученыхъ учреждений. Оказалось, что медицинскій факультетъ еще замѣсяцъ вошелъ тоже съ представленіемъ Пастэра въ почетные члены, но ректоръ нашелъ, что нѣтъ надобности избирать непременно до юбилея: можно-де и послѣ. Этотъ господинъ рѣшительно не понимаетъ что нужно Университету. По его понятіямъ нужна лишь канцелярія.

27 Декабря. Надѣлавшіе безтактностей никакъ не могутъ примириться съ результатами. Сначала боялись волненій студентовъ и ждали съ нетерпѣніемъ праздниковъ, когда многіе студенты уѣзжаютъ изъ Москвы; теперь трусятъ, чтобы не сдѣлали скандала всѣмъ подписавшимъ адресъ на актѣ. И вотъ теперь всячески стараются одни привлечь тѣхъ, которые не подписали адресъ, говоря, что нужно сплотиться всѣмъ въ виду опасности(?), угрожающей Университету, другіе (испугавшись, что они потеряютъ престижъ либераловъ) при случаѣ оправдываются передъ людьми, не имѣющими никакого отношенія къ Университету. Страхъ тѣхъ и другихъ, кажется, исходитъ изъ того, что всѣ профессора, имена которыхъ были пропечатаны въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, получили какія-то порицанія отъ представителей всѣхъ университетскихъ землячествъ. Мнѣ рассказывали, что Эрисманъ объяснился въ комиссіи земскихъ врачей и хотя въ письмѣ, приглашавшемъ подписываться подъ адресомъ, было сказано, что это дѣлается конфиденціально, но онъ не стѣснился рассказать о формѣ моего протеста.

29 Декабря. Было засѣданіе комитета по устройству съѣзда естествоиспытателей и врачей. Я ушелъ нѣсколько ранѣе окончанія засѣданія, послѣ котораго произошло слѣдующее. Склифасовскій (Лисохвостовъ, по прозванію Кожевникова) съ обыкновеннымъ своимъ напускнымъ паѳосомъ и театральными жестами началъ рѣчь о необходимости единенія между профессорами, о пожертвованіи личными сче-

тами общему благу Университета, при чемъ приходилъ въ негодование отъ того, что инспекторъ студентовъ, письмомъ къ профессорамъ, получившимъ порицанія, просилъ доставить ему эти анонимныя посланія. „Какъ смѣетъ инспекторъ обращаться подобнымъ образомъ къ профессору? Онъ могъ пріѣхать ко мнѣ самъ. И какое онъ имѣетъ право требовать отъ меня это письмо, касающееся лично меня?“ и т. п. разглагольствованія на тему о профессорскомъ престижѣ. Ему на это замѣтили, что инспекторъ сдѣлалъ это несомнѣнно по распоряженію начальства, вѣроятно ректора, и нѣтъ ничего удивительнаго. что онъ затруднялся объѣхать лично болѣе двадцати человекъ. Непослѣдовательно усматривать недостатокъ почтенія въ подобномъ письмѣ и не оскорбляться за корпорацію, когда одному изъ членовъ ея наносятся оскорбленія ректоромъ. Тутъ была рассказана исторія со Столѣтовымъ. Шервинскій замѣтилъ при этомъ, что ему это не было извѣстно. Вотъ въ томъ-то и дѣло, что г.г., огульно подписавшіе адресъ, ничего не знали. Некрасовъ поддерживалъ Склифасовскаго, восхваляя достоинства ректора. Столѣтовъ, выведенный изъ терпѣнья пошlostью этого господина, наконецъ высказалъ вполнѣ свое мнѣніе о ректорѣ и затѣмъ ушелъ, такъ какъ Некрасовъ началъ говорить ему просто дерзости. Затѣмъ съ Некрасовымъ сдѣлалась истерика, а 24 Декабря всѣ члены комитета получили отъ него тождественныя письма, въ которыхъ онъ требовалъ выраженія порицанія Столѣтову на томъ-де основаніи, что, выразившись оскорбительно о ректорѣ, онъ „задѣлъ честь Университета“!! Я хотѣлъ воспользоваться этимъ письмомъ, чтобы въ отвѣтѣ подробно выяснитъ всѣ причины, заставляющія считать ректора неприличнымъ на мѣстѣ ректора, и въ тоже время объяснить, почему я вынужденъ былъ выразить въ такой рѣшительной формѣ свой протестъ противъ адреса. Письмо я предназначалъ главнымъ образомъ не Некрасову, который понять его былъ-бы неспособенъ, а всѣмъ другимъ профессорамъ. На половину письмо было уже готово; но я узналъ, что Некрасовъ самъ испугался своего посланія (кто-то ему разъяснилъ), не спалъ ночей, плачетъ и проситъ не придавать ему никакого значенія. Некрасовъ просто жалокъ во всѣхъ отношеніяхъ. Восемь лѣтъ тому назадъ выбранный въ доценты, онъ, благодаря новому уставу, сдѣлался экстраординарнымъ, и затѣмъ въ пять лѣтъ попечитель*) провелъ его черезъ секретаря факультета и декана въ помощники ректора. Такой короткій срокъ, да еще при его далеко неблестящихъ способностяхъ, конечно не достаточенъ, чтобы ему хорошо ознакомиться даже съ внѣшней стороной административной машины, а хозяйства, онъ самъ говорить,

*) Графъ Капнистъ. П. Б.

что не понимаетъ. Своимъ возвышеніемъ онъ обязанъ лишь покорности передъ начальствомъ; а между тѣмъ онъ вообразилъ, что представляетъ изъ себя нѣчто и уже началъ было распускать хвостъ. Но вотъ ректоръ, котораго онъ взялъ себѣ за образецъ, надѣлалъ глупостей и, заваривъ кашу, думаетъ лишь о томъ, какъ бы удрать; и Некрасовъ, видя, что ему придется ее расхлебывать, растерялся до такой степени, что съ нимъ дѣлаются истерики. Но чего они боятся? Студенты ведутъ себя крайне сдержанно, и черезъ лаборантовъ только и слышишь съ ихъ стороны объ начальствѣ: „Что они дѣлаютъ! Вѣдь своими объясненіями со студентами съ цѣлью вызвать къ себѣ сочувствіе ректоръ вызоветъ непременно анти-демонстрацію, и тогда Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится, и во всемъ будетъ виновато само начальство“.

12 ч. ночи. Сейчасъ вернулся отъ Иловайскаго, у котораго бываю раза два въ зиму на его Воскресеньяхъ. На этотъ разъ по случаю праздника было большое общество до юницъ и юнцовъ включительно. Послѣ долгихъ лѣтъ встрѣтилъ тамъ Е. И. Гивартовскую. Она очень мало постарѣла и можетъ утверждать, что ей только 52 года, хотя въ дѣйствительности должно быть гораздо больше. Все такая же веселая и не прочь поговорить о вздорѣ. Молодежь вздумала танцевать, но, по обыкновенію, никто не рѣшился начать первый. Я предлагалъ Е. И. открыть танцы вальсомъ съ моими больными ногами. Началъ Иловайскій. Завидно, какой онъ молодецъ въ 60 лѣтъ съ хвостикомъ: вальсируетъ какъ тридцатилѣтній! Иногда на его вечерахъ встрѣчаемъ интересныхъ личностей, такъ какъ это, кажется, единственный оставшійся въ Москвѣ домъ, послѣднимъ представителемъ которыхъ былъ домъ А. И. Кошелева. У Иловайскаго въ разговорахъ звучитъ также Русско-славянскій оттѣнокъ съ тою разницею, что Кошелевъ имѣлъ нѣкогда болѣе обширное знакомство и игралъ болѣе выдающуюся роль: къ нему считали обязанностью явиться на его Вторники всѣ иностранцы, пріѣзжавшіе для изученія Россіи. О своихъ посѣтителяхъ онъ мнѣ сказалъ при первомъ знакомствѣ: „у меня встрѣтите всякихъ людей; но одно могу сказать, что глупыхъ людей не найдете“. Ну, это не совсѣмъ такъ. Встрѣчались если не глупые, то весьма узкіе.

3 Января 1893. Новый годъ опять, какъ и въ прошломъ году, встрѣтилъ отвратительно. Благодаря болѣе мѣсяца продолжающимся морозамъ отъ 10 до 25⁰ простудился, кажется, у себя въ квартирѣ, и опять расхворался. Право, нечего думать о выздоровленіи, и я все болѣе и болѣе свыкаюсь съ мыслью, что если доживу до 60-ти, то въ

видѣ развалины. Досадно, такъ какъ чувствую, что могъ бы еще быть полезенъ. Но дѣлать нечего; очевидно, приходится расплачиваться за безобразное дѣтство и юность.

Передъ Новымъ Годомъ въ Москвѣ былъ проѣздомъ Бухарскій эмиръ. Возили его туда и сюда, но ничего солиднаго не показали. У насъ находятъ излишнимъ даже Азіатовъ знакомить съ тѣмъ, что составляетъ принадлежность просвѣщенной страны. Офицеры Сумскаго полка, гдѣ служить братъ эмира, устроили ему обѣдъ съ хоромъ Ивановой изъ Стрѣльны; Великій Князь—вечеръ съ хоромъ Славянскаго. Повелитель правотѣрной Бухары получилъ главнымъ образомъ вѣрное понятіе о томъ, гдѣ почерпаютъ свое просвѣщеніе наши военные и какую культурную службу проходить его братъ. Затѣмъ возили его на бѣга. Умнѣе поступили купцы: повезли его на Прохоровскую фабрику, вырабатывающую много ситцевъ и платковъ для Востока. Тамъ, а также отъ биржеваго купечества, ему были сдѣланы подарки Русскими произведеніями. Слѣдовало бы показать Университетъ, Техническое Училище, а затѣмъ Румянцевскій Музей, Политехнической, а потомъ уже фабрику. Тутъ была бы не только послѣдовательность, но и идея. А такъ, какъ будто, хотѣли сказать, что у насъ фабрики развиваются независимо отъ науки. Хотя въ дѣйствительности это въ значительной мѣрѣ справедливо, но пропагандировать это тѣмъ, кого мы думаемъ просвѣщать, по меньшей мѣрѣ, безтактно. Забыли, что на Востокъ наука уважается гораздо болѣе, чѣмъ въ Россіи. Едва-ли можно отговариваться тѣмъ, что для эмира Университетъ не могъ дать ничего поучительнаго. Онъ навѣрно съ интересомъ и уваженіемъ взглянулъ бы на бібліотеку, на клиники; ему можно бы показать физическій кабинетъ и лабораторію съ опытами, не только эффектнымъ, но и поучительнымъ. Осмотръ фабрики получилъ бы тогда особый смыслъ. Но предпочли показать „плоды просвѣщенія“ даже не тѣ, что осмѣиваетъ графъ Толстой, а просто кафешантанные. Сына его возили два раза въ циркъ, но офицеры навѣрное познакомили его съ пѣвицами изъ Стрѣльны или ближе. Изъ всѣхъ высокихъ гостей Москвы только одинъ Донъ-Педро осматривалъ подробно Университетъ, что впрочемъ повидимому не особенно нравилось сопровождавшему его министру, графу Толстому, какъ можно было заключить изъ его небрежныхъ отзывовъ. Желательно, чтобы эмиръ возвратился домой съ убѣжденіемъ по возможности дольше не заимствовать наше „просвѣщеніе“.

30 Января. На прошлой недѣлѣ пріѣзжалъ въ Москву министръ Деляновъ. Официальный предлогъ былъ открытіе реформированнаго и расширеннаго Комиссаровскаго Техническаго Училища; но всѣ полагали,

что главная цѣль прїѣзда была иная. Указывали, главнымъ образомъ, на новыя клиники, при постройкѣ которыхъ подозрѣваютъ крупное воровство со стороны ***. Недавнее (въ Ноябрь) удаленіе за взятки правителя канцеляріи попечителя, Высоцкаго, дѣлаетъ такое предположеніе вѣроятнымъ. Хотя на завтракъ, послѣ акта въ Комиссаровскомъ Училищѣ, Деляновъ провозгласилъ тостъ за попечителя, гдѣ восхваляетъ его энергію и труды по постройкѣ училища (см. „Московскія Вѣдомости“), но на слова хитраго Армянина полагаться едва-ли возможно. Для открытія училища не зачѣмъ было привозить съ собой директора департамента и жить здѣсь цѣлую недѣлю. Ни для кого не тайна, что Деляновъ долгое время не могъ примириться съ существованіемъ К., какъ назначеннаго Сабуровымъ, и Катковъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ долгое время старался игнорировать К. Судя по тому, что мнѣ не разъ приходилось слышать отъ друга Каткова А. Н. Драшусова, первый былъ очень предубѣжденъ противъ К., считая его пьяницей, развратнымъ и способнымъ на взятки. Ко всему этому онъ дѣйствительно давалъ поводъ своимъ поведеніемъ бурша, нѣкогда исключеннаго изъ Гейдельберскаго университета за то, что явился въ профессорскій клубъ на балъ съ своей содержанкой. Передъ назначеніемъ его попечителемъ онъ былъ прокуроромъ Московской Судебной Палаты. Въ это время случилось дѣло судебного пристава Карновича, растратившаго бывшія у него на рукахъ суммы. По городу ходили упорные слухи, что у Карновича найдены письма К. съ просьбой займа денегъ. Утверждали, что это было замято, но К. долженъ бы былъ удалиться. Его спасъ Сабуровъ, назначивъ попечителемъ. Сначала онъ либеральничалъ и открыто порицалъ дѣйствія Делянова и въ особенности новый уставъ университетовъ, но вскорѣ сообразилъ, что такъ держать себя невыгодно. Теперь онъ ярый защитникъ новаго устава. Но забылъ-ли Деляновъ прошлое, это еще вопросъ, не смотря на весь его оппортунизмъ. Вѣроятнѣе, что не забылъ, но долженъ былъ терпѣть К., который, благодаря нѣкоторымъ связямъ, счумѣлъ какъ-то заслужить хорошее мнѣніе при Дворѣ. Что въ Министерствѣ его по прежнему не любятъ, можно заключить изъ того, что мнѣ недавно говорилъ Анрепъ, членъ Совѣта Министровъ, присланный сюда председателемъ экзаменаціонной комиссіи медицинскаго факультета. Онъ рассказывалъ, что въ Министерствѣ знаютъ объ уплатѣ ** своихъ очень крупныхъ долговъ во время постройки клиникъ и предполагаютъ, что злоупотребленія доходятъ до очень значительной цифры. Говорятъ о полумилліонѣ. По моему это во всякомъ случаѣ преувеличено; но я не рѣшился бы рисковать десятью рублями, чтобы держать пари за невинность **. Не даромъ вышелъ изъ строительнаго комитета Никифоровъ (архитек-

торь округа), говоря мнѣ, что опасается отвѣтственности въ случаѣ ревизіи. Чтò разнюхали во всемъ этомъ Деляновъ и Аничковъ въ теперешній свой прїѣздъ, осталось, разумѣется, тайной, и съ какой цѣлью все это дѣлалось, тоже неизвѣстно. Одно только можно сказать съ увѣренностью: раскрытіе злоупотребленій нужно было не для того, чтобы пресѣчь зло и наказать виновныхъ. Делянова никто не упрекаетъ въ излишней приверженности къ высоко-нравственнымъ принципамъ. Его высшій принципъ есть принципъ аккомодациі. Онъ очень далекъ отъ убѣжденій, что на Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія болѣе нежели на какомъ другомъ министерствѣ лежитъ высокая обязанность воспитывать народную нравственность въ самомъ широкомъ смыслѣ. Каковы его въ этомъ отношеніи взгляды и понятія, прекрасной иллюстраціей можетъ служить назначеніе вышеупомянутаго Высоцкаго директоромъ Ярославской гимназіи. Хорошъ будетъ воспитатель юношества! И каковъ будетъ нравственный авторитетъ директора, о которомъ всемъ извѣстно, что ему было приказано подать въ отставку за взятки? К., которому при такихъ условіяхъ самому невозможно было оставаться на своемъ мѣстѣ, употребилъ все усилія, чтобы *sauver les apparences**), и вотъ Деляновъ согласился на такой прекрасный способъ.

Но кромѣ дѣла по клиникамъ Делянову нужно было еще распутать путаницу, надѣланную ректоромъ. Тутъ уже пришлось совершенно неожиданно выступить на сцену и мнѣ. 27-го Января попечитель увѣдомилъ меня и Столѣтова, что министръ требуетъ насъ къ себѣ на другой день въ 12 часовъ. При этомъ свиданіи присутствовалъ и попечитель. Не рассчитывая на какой-либо успѣхъ, мы со Столѣтовымъ рѣшили, однако, откровенно указать министру на тѣ поступки ректора, которые не позволяютъ его считать человѣкомъ способнымъ быть представителемъ университетской корпораціи. Я терпѣть не могу никакихъ жалобъ и предпочитаю расправляться самъ, а между тѣмъ въ данномъ случаѣ это выходила жалоба, потому-что приходилось касаться фактовъ, имѣющихъ во всякомъ случаѣ личный характеръ, хотя изъ нихъ естественнымъ образомъ вытекали выводы общаго значенія. Хотя мы, какъ протестанты противъ лица, облеченнаго, какъ говорятъ, довѣріемъ начальства, не могли рассчитывать, чтобы министръ вздумалъ, нѣкоторымъ образомъ, съ нами совѣтоваться или, по меньшей мѣрѣ, пожелалъ бы выслушать наше мнѣніе, и мы чувствовали, что намъ придется, собственно говоря, оправдываться: но становиться на такую личную почву для меня было крайне неприятно, и я рѣшился коснуться

*) Спасти виѣшнее приличіе. П. Б.

ея лишь въ крайнемъ случаѣ. Дѣйствительность превзошла наши ожиданія. Деляновъ прямо началъ разговоръ рѣзко поставленнымъ вопросомъ: „Скажите намъ, въ чемъ вы недовольны ректоромъ?“ Такимъ образомъ объясненіе приняло сразу непріятное направленіе. Въ отвѣтъ на такой вопросъ мы отвѣчали молчаніемъ. Тогда онъ повторилъ вопросъ, добавивъ, что наше недовольство выразилось явно въ отказѣ подписать адресъ, а съ моей стороны даже въ формѣ рѣзкаго и неприличнаго протеста. На это я замѣтилъ, что наше положеніе, повидимому, крайне щекотливое. Мы двое являемся какъ бы обвиняемыми въ томъ, что ректоръ не оставляетъ, по словамъ министра, своего намѣренія выйти въ отставку, между тѣмъ какъ наше мнѣніе едва-ли тутъ можетъ имѣть какое-нибудь значеніе, какъ скоро большинство выразило ректору полное сочувствіе. При томъ же наше мнѣніе было выражено совершенно частнымъ образомъ, а потому имѣть характеръ частный, товарищескій. На это министръ возразилъ, что теперь все сдѣлалось извѣстнымъ въ Министерствѣ и дѣло получило общее значеніе. „Но, можетъ быть, вашему сіятельству осталось неизвѣстнымъ, что адресъ сопровождался пригласительнымъ письмомъ отъ неизвѣстныхъ инициаторовъ, въ которомъ говорилось, что профессора приглашаются по товарищески и совершенно конфиденціально выразить свое одобреніе дѣйствіямъ ректора. Я все-таки не могу не обратить вниманіе на эту сторону дѣла, и не мы были причиной того, что вся исторія съ адресомъ скоро стала извѣстна всему городу и даже сообщена въ газеты. Столѣтовъ прибавилъ, что адресъ пересылали со служителями въ паккѣ, и такимъ образомъ онъ легко могъ сдѣлаться извѣстнымъ студентамъ. Такъ какъ министръ настаивалъ, чтобы мы объяснили причину нашего неудовольствія, которое, можетъ быть, происходитъ отъ неудовлетворенія какихъ-либо просьбъ по нашимъ лабораторіямъ и т. п. (тутъ проявилось очевидное вліяніе попечителя, много распространявшагося на эту тему въ своемъ извинительномъ письмѣ къ Столѣтову), я сказалъ, что какой-нибудь отказъ въ просьбѣ не могъ бы служить причиной неудовольствія, и личныхъ оскорбленій отъ ректора я не имѣлъ. Объ этомъ слово должно принадлежать А. Г. Столѣтову. Тогда послѣдній рассказалъ, къ сожалѣнію въ общихъ чертахъ и слишкомъ сжато, исторію съ жалобой на него ректора попечителю (Деляновъ замѣтилъ, что ему это извѣстно) и послѣднее свое объясненіе съ ректоромъ, когда этотъ дѣлалъ ему очную ставку съ писцомъ и позволилъ себѣ на него кричать. „Я полагаю, заключилъ Столѣтовъ, что, какъ заслуженный профессоръ, могу рассчитывать на болѣе деликатное съ собой обращеніе“.—Деляновъ: „Изъ этого я заключаю, что у васъ были ранѣе того какія нибудь неудовольствія съ ректоромъ.“—„Ника-

кихъ особыхъ неудовольствій не было, и еще недавно ректоръ просилъ меня привести въ порядокъ счета Правленія по электрическому освѣщенію, что и было мною исполнено съ готовностью“. Потомъ я замѣтилъ, что вся эта исторія осталась неизвѣстною почти никому изъ профессоровъ, кромѣ нашего факультета, а если бы ее знали, то навѣрное къ десяти, не подписавшимся подъ адресомъ, присоединилось бы по крайней мѣрѣ еще столько же. Потомъ онъ разсказалъ, какъ ректоръ говорилъ мнѣ, при объясненіи по одному дѣлу, что онъ всегда больше повѣритъ чиновнику канцеляріи, чѣмъ профессору. Попечитель вмѣшался и началъ доказывать, что въ Правленіи всегда было много безпорядковъ и несоблюденій формальностей, которыхъ онъ не могъ исправить, потому что прежде не имѣлъ власти, а теперь онъ нашелъ ректора, который обратилъ вниманіе на этотъ недостатокъ, и вѣроятно тутъ дѣло шло также о какой нибудь формальности, и я его невѣрно понялъ. Мы оба остановили его словами: это къ дѣлу не относится, и мы очень хорошо понимаемъ необходимость формальностей; я же прибавилъ, что ошибиться въ смыслѣ сказаннаго мнѣ я не могъ, такъ какъ на мой вопросъ, на чемъ основывается такой взглядъ, я получилъ въ отвѣтъ: „потому что чиновникъ отъ меня зависитъ, а профессоръ нѣтъ“. Тутъ очевидна, прибавилъ я, цѣлая логическая система, которая и отражается въ томъ, что секретари правленія, почувствовавъ такое свое привилегированное положеніе, позволяютъ себѣ крайне невѣжливое обращеніе съ лаборантами, которыхъ приходится посылать въ Правленіе за различными справками. Я постоянно слышу отъ нихъ жалобы въ этомъ смыслѣ, а одинъ лаборантъ даже вышелъ въ отставку, говоря, что онъ не привыкъ къ подобному обращенію. Затѣмъ я разсказалъ, какъ ректоръ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе и официальнымъ письмомъ требовалъ отъ меня объясненія, на основаніи какихъ полномочій я позволилъ себѣ посылать факультетскую повѣстку о смерти академика Имшенецкаго, при чемъ прочиталъ и самое письмо. Попечитель: „Я этого не зналъ!“— „Первая моя мысль была дѣйствительно отправиться съ этимъ письмомъ къ вамъ, но потомъ я рѣшилъ, что худой миръ лучше доброй ссоры: я предпочелъ объясниться съ ректоромъ, указавъ ему, что повѣстка имѣла частный характеръ, и я только воспользовался печатными бланками факультетскихъ повѣстокъ для ускоренія дѣла, чтобы не писать трехъ списковъ факультетскихъ профессоровъ, заголовокъ же повѣстки былъ заклеенъ моимъ извѣщеніемъ о смерти Имшенецкаго и о времени панихидъ. Въ этой товарищеской повѣсткѣ я счелъ нужнымъ прибавить „за отсутствіемъ ректора и его помощника“, дабы товарищамъ не показалось страннымъ, почему я взялся извѣстить ихъ, когда подобныя повѣстки всегда рассылаются

ректоромъ. Но ректоръ и помощникъ были на дачѣ, и я принялъ на себя всѣ хлопоты по погребенію, какъ бывший товарищъ Имшенецкаго по Казанскому университету. Но ректоръ при этомъ сказалъ мнѣ, что онъ вѣроятно уклонился бы отъ обязанности посылать повѣстку, потому что Имшенецкій, по пріѣздѣ, въ качествѣ предсѣдателя экзаменационной комиссіи, не сдѣлалъ ему визита. „Однако вы были на похоронахъ, что дѣлаетъ честь вашему великодушію. Вы раздумали мстить человѣку послѣ его смерти“. Но при этомъ я замѣтилъ ректору, что, будучи такимъ строгимъ къ другимъ по отношенію несоблюденія съ нимъ правилъ приличія, онъ самъ позволяетъ себѣ въ своихъ официальныхъ письмахъ не соблюдать общепринятые правила приличія, подписавъ письмо ко мнѣ просто своимъ именемъ. Я склоненъ думать, что это произошло по недоразумѣнію и спѣшности. На что онъ мнѣ отвѣтилъ: нѣтъ, я это сдѣлалъ умышленно. Министръ взялъ въ руки письмо и сказалъ: я въ такихъ случаяхъ пишу „примите увѣреніе и пр.“ „Вы желали знать причину неудовольствія, и мы отвѣчали вамъ совершенно откровенно. Цѣлый рядъ мелкихъ и крупныхъ случаевъ достаточно ясно показывали, что г. ректоръ далеко не безпристрастно относится къ лицамъ, почему либо ему несимпатичнымъ и въ своихъ отношеніяхъ къ профессорамъ позволяетъ себѣ такой тонъ, съ которымъ трудно примириться“.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на исторію съ его отставкою. При этомъ подача прошенія объ отставкѣ, вслѣдствіе полученія какихъ-то двухъ анонимныхъ, угрожающихъ писемъ, есть поступокъ крайне неосторожный и безтактный, ибо онъ создаетъ весьма опасный прецедентъ. Теперь у студентовъ можетъ составиться убѣжденіе, что достаточно анонимной угрозы, чтобы заставить ректора удалиться. Попечитель замѣтилъ при этомъ: да, онъ самъ сознаетъ теперь, что поспѣшилъ!—„Вотъ видите, а въ этой поспѣшности вся суть дѣла. Она была причиною всей дальнѣйшей исторіи, и мы тутъ не причемъ. Неумѣстны были также объясненія передъ аудиторіей первокурсниковъ, а затѣмъ съ распорядителями концерта. Когда онъ благодарилъ студентовъ-распорядителей за то, что они охраняли его въ концертѣ, то ему отвѣчали, что они охраняли вообще порядокъ и всѣхъ своихъ гостей. Ректоръ поспѣшилъ прибавить: вотъ за это-то я васъ и благодарю. Въ это время одинъ изъ юристовъ, выступивъ впередъ, началъ высказывать ему чувство уваженія, довѣрія и проч. Тогда остальные распорядители стали понемногу уходить. Послѣ этого неудачнаго объясненія онъ и подалъ въ отставку, а затѣмъ явился и адресъ, въ которомъ говорилось, что вполне сочувствуютъ во всѣхъ отношеніяхъ способу

дѣйствій ректора. Въ концѣ я прибавилъ, что во всю свою жизнь я привыкъ ставить общій интересъ выше своего личнаго и въ данномъ случаѣ мною двигало также не личное неудовольствіе. На будущее время я также готовъ забыть все прежнее, и г. ректоръ можетъ быть увѣренъ, что онъ встрѣтитъ съ моей стороны полное сочувствіе во всемъ, что касается блага Университета. Потомъ Деляновъ перешелъ на застращиванье. „Если случатся какіе-нибудь безпорядки и волненія между студентами, то это можетъ отозваться для васъ весьма дурно“, сказалъ онъ. — „Но это будетъ въ высшей степени несправедливо, замѣтилъ я. Ни я, ни професс. Столѣтовъ, мы, кажется, не принадлежимъ къ лицамъ, которымъ бы можно поставить въ упрекъ, что мы способны дѣлать поблажки вреднымъ и неправильнымъ поступкамъ студентовъ“. — „Да...“, но всетаки я вамъ повторяю, что это можетъ отозваться на васъ неблагоприятно“. Выведенный изъ терпѣнія этими угрозами, какъ какимъ-то школьникамъ, я сказалъ: „Что же дѣлать! Я думалъ, что 30 лѣтъ добросовѣстно исполнялъ свои обязанности и служилъ, что называется, вѣрой и правдой. Придется перемѣнить убѣжденіе и думать, что я ошибался“.

На этомъ окончился почти двухъ-часовой разговоръ, въ теченіе котораго намъ пришлось выслушать нравственныхъ замѣчаній и наставленій вродѣ того, напр., что у насъ есть начальство, къ которому мы должны обращаться въ случаѣ недоразумѣній и размолвокъ съ ректоромъ или деканомъ и т. п. Затѣмъ мы ушли, и два сіятельныхъ проходимца, ненавидящихъ другъ друга, но ловко умѣющихъ принаравливаться къ обстоятельствамъ, остались одни для совѣщанія.

Замѣчательно въ самомъ дѣлѣ, что Деляновъ былъ сначала попечителемъ Петербургскаго университета, а затѣмъ товарищемъ министра въ самое либеральное время, а теперь съ увлеченіемъ служить современному ультрареакціонному направленію. Впрочемъ, по существу, нѣтъ большой разницы между прежнимъ и новымъ направленіемъ. И въ томъ и въ другомъ всему основой служить произволъ. Тогда у произвола была подкладка либерально-соціалистическая, а теперь чиновно-бюрократическая, и не разберешь, которая лучше, которая хуже, потому что на произволѣ, хотя нельзя сказать, что далеко не уѣдешь, но во всякомъ случаѣ пріѣдешь не туда, куда слѣдуетъ.

*

10 Іюля нов. ст. Баденъ близъ Цюриха. Около трехъ мѣсяцевъ я не брался за эту тетрадь, хотя за это время произошло многое, что должно быть въ нее внесено. Но все это до такой степени пошло и возмутительно, что противно описывать и тѣмъ еще болѣе разстраи-

вать себѣ нервы, а потому отлагаю до времени болѣе благопріятнаго здоровья. Въ Апрѣлѣ и Маѣ это меня все такъ уходило, что въ теченіе двухъ недѣль я не выходилъ далѣе кабинета и долженъ былъ большею частью лежать, и экзаменъ въ Комиссіи происходилъ въ аудиторіи-лабораторіи, куда я съ трудомъ вышелъ съ помощью палки. Теперь уже вотъ 3 недѣли, какъ я выѣхалъ изъ милаго отечества и по мѣрѣ того, какъ сладкій дымъ его оставался все далѣе позади, я все болѣе и болѣе оживалъ; а здѣсь, въ маленькомъ городкѣ, въ странѣ разумно понимаемой свободы, я чувствовалъ бы себя совершенно счастливымъ и спокойнымъ, если бы не воспоминанія и не отголоски изъ того же милаго отечества, часто напоминающія о нашихъ всевозможныхъ безобразіяхъ. Въ особенности гнететь мысль, что черезъ два мѣсяца я долженъ быть опять въ Москвѣ. Какъ охотно поселился бы я здѣсь на нѣсколько лѣтъ, а можетъ быть и навсегда, чтобы, набравшись силъ, снова явиться домой на борьбу. На борьбу! Да къ чему она? Вѣдь ничего не достигнешь. Въ эту минуту я случайно взглянулъ на обертку календаря Гатцука, который жена захватила съ собой, и вижу тамъ изображено: „413-й годъ со времени сверженія Татарскаго ига“. Въ четыре столѣтія, нечего сказать, далеко мы ушли! Не тотъ ли же ханъ и не тѣ ли же баскаки, для которыхъ законъ существуетъ только для того, чтобы его нарушать постоянно и всегда, какъ только вздумается? Недавно еще это дѣлалось просто во имя произвола или, вѣрнѣе сказать, безъ всякихъ разсужденій, и всѣ съ этимъ мирились, какъ съ чѣмъ-то неизбѣжнымъ. Такъ было при Николаѣ; но, какъ извѣстно, въ прошлое царствованіе мы сдѣлали „огромный шагъ въ направленіи прогресса“, и вотъ теперь мы уже не можемъ оставаться рабами, ибо узнали, что рабство унижительно для цивилизованныхъ народовъ. Теперь мы не безсознательные рабы; за послѣднія 15 и въ особенности 10 лѣтъ у насъ появились въ литературѣ (благодаря талантливой инициативѣ Каткова) ученія, возводящія съ одной стороны произволь, а съ другой рабскую покорность въ теорію. Мы, постигнувъ быстро Европейскую науку и весь строй Европейской жизни, пришли къ сознанію, что Россія не можетъ иначе существовать, какъ при строгомъ полицейско-правительственномъ контролѣ и указаніяхъ во всѣхъ мельчайшихъ частностяхъ нашей жизни. Это весьма утѣшительно. Теперь мы поняли, что Русскій человѣкъ не можетъ и думать о своей индивидуальной самостоятельности. Его священный долгъ долженъ состоять въ принесеніи всего себя въ жертву на алтарь отечества, а способъ къ этому долженъ заключаться въ проникновеніи себя сознаніемъ, что все, что творится благодѣтельнымъ начальствомъ, направлено къ нашему благу и счастію; начальству же отнюдь не вмѣняется въ

обязанность справляться съ законами нравственности. Оно можетъ и обязано не обращать на нихъ никакого вниманія „какъ скоро имѣется въ виду общее благо“.

А безъ побой вся Русь хотъ вой:
И упадетъ, и пропадетъ!...

О, Господи, долго ли еще такъ будетъ? Во всякомъ случаѣ другого мнѣ не увидать, да и дѣти до этого не доживутъ. Наполеонъ былъ вполне правъ, когда сказалъ: „поскоблите немного Русскаго, и вы найдете Татарина“. Мы во многомъ хуже Татаръ. У Татаръ, и вообще у людей Востока, есть сознаніе собственнаго достоинства, которое ясно выражается во всей манерѣ держать себя. У насъ, какъ и вообще у Славянъ, не слившихъ вполне своего развитія съ развитіемъ Западной Европы, этого нѣтъ. У Русскаго сознаніе своего достоинства выражается въ грубости относительно къ другому, кого онъ не боится; у Поляка—въ высокомѣрїи; у Болгарина—въ забвенїи всего, чѣмъ онъ вамъ обязанъ и въ способности порицать и злословить васъ, какъ скоро онъ болѣе въ васъ не нуждается; рядомъ съ этимъ льстивая любезность и заискиванье, когда рассчитываютъ чего либо достигнуть. У Поляковъ это рѣзко обозначилось въ выраженїи „падамъ до ногъ“. Мы, Русскіе, однако такъ далеко не идемъ, какъ Поляки и Болгары, и въ этомъ отношенїи, къ счастью, стоимъ ближе къ Татарину, который никогда не станетъ унижаться изъ-за достиженія какихъ-нибудь выгодъ. Какъ извѣстно, у насъ существуетъ культъ поклоненія необычайной способности и смѣливости Русскаго человѣка въ сравненїи, напр., съ Нѣмцемъ. Эта самоувѣренность принесла и приноситъ намъ много вреда, тѣмъ болѣе, что она основана на совершенно поверхностномъ наблюденїи. Сколько разъ мнѣ приходилось въ жизни убѣждаться въ противномъ. Татаринъ, напр., въ дѣйствительности гораздо смысленнѣе Русскаго и, кромѣ того, если ужъ онъ честенъ, то честенъ безусловно. Живя въ Нижегородской и Казанской губерніяхъ, не трудно замѣтить, что на смысленность Татарина всегда рассчитывается больше, чѣмъ на Русскаго, а на Нижегородской ярмаркѣ Русскіе купцы для охраны лавокъ никогда не берутъ Русскихъ, а только Татаръ. Русскій быстро схватываетъ, но поверхностно, и вслѣдствіе самоувѣренности воображаетъ, что понялъ всю суть дѣла. Вотъ почему трудно добиться, чтобы при объясненїи онъ слушалъ и вообще относился къ дѣлу внимательно. „Ты хорошо понялъ, что я тебѣ объяснялъ?“ — „Какъ же-съ, помилуйте, отчего не понять? Ужъ будьте благонадежны, сдѣлаемъ какъ слѣдуетъ!“ Потомъ оказывается, что дѣло испортилъ, не узнавъ сути, а если скажешь: „Какъ же ты говорилъ, что все понялъ?“

„Да я думалъ, что это все равно“. А наши патріоты думаютъ, что Нѣмецъ тупъ, когда онъ внимательно разсматриваетъ прежде чѣмъ взяться за дѣло и если не понялъ, то отказывается отъ него.

12 *Юля*. Если вышеписанное прочитаютъ соотечественники, то 99% изъ нихъ скажетъ, что я чѣмъ нибудь раздражилъ мое мнѣніе—очевидная утрировка. Но я глубоко убѣжденъ, что наше самомнѣніе составляетъ одинъ изъ источниковъ нашего социальнаго и политическаго несчастія. Развѣ не проявляется та же поверхностность въ отношеніи къ исполненію своихъ обязанностей у всѣхъ нашихъ агентовъ правительства, начиная съ самаго мелкаго чиновника и кончая любимъ министромъ? Исключенія конечно есть, но они рѣдкость. Примѣровъ привести можно было бы много, особенно за послѣднія 40 лѣтъ, когда явилась возможность до нѣкоторой степени проявиться нашему характеру въ болѣе опредѣленной и ясной формѣ. Возьмемъ, напр. освобожденіе крестьянъ. Мѣра грандіозной государственной важности, послѣдствія которой и до сихъ поръ еще ни для кого не выяснились, хотя бы приблизительно. Но одно однакоже слѣдовало уяснить себѣ прежде чѣмъ на нее рѣшиться—это экономическія послѣдствія реформы. Разумѣется, никто не рассчитывалъ принести вредъ реформою; напротивъ, всѣ ожидали благоденствія въ ближайшемъ будущемъ. Такъ называемые крѣпостники далеко не такъ виноваты, какъ это доказываютъ либералы; ихъ противодѣйствіе, весьма слабое и пассивное, какъ всякое фрондированіе Русскаго человѣка, было лишь результатомъ совершенно правильнаго, инстинктивнаго сознанія своего безсилія и неподготовленности къ дѣятельности при предстоявшихъ новыхъ условіяхъ. Остальная, большая половина нашего тогдашняго общества, съ правительствомъ во главѣ, не долго думая, порѣшила „освободить, а затѣмъ послѣ разберемся“. Вотъ и разбираются и до сихъ поръ не могутъ разобраться; а между тѣмъ помѣщики всѣ разорены безо всякой пользы для крестьянъ, потому что и эти послѣдніе, въ свою очередь, тоже разорены. Говорятъ, что страна производитъ теперь больше хлѣба, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ. Да, но при этомъ упускаются изъ виду увеличившееся народонаселеніе и масса вновь распаханной земли изъ подъ лѣса и луговъ. Если же сравнить урожайность на десятинѣ 35 лѣтъ тому назадъ и теперь, то оказывается, что она уменьшилась на старыхъ земляхъ на 50%. Мы ведемъ хищническое экстензивное хозяйство и перешли къ нему отъ прежняго болѣе интензивнаго съ лучшей обработкой земли, съ удобреніемъ. Развѣ это можно назвать прогрессомъ? Пришли къ убѣжденію въ необходимости просвѣщенія и для этого реформировали, гимназіи и университеты, уничтоживъ въ послѣднихъ

Николаевское штатное число студентовъ; а когда, несмотря на всѣ ошибки и во многихъ случаяхъ недобросовѣстное пользованіе самоуправленіемъ, въ университетахъ проявилась необычайная дѣятельность, выразившаяся быстрымъ развитіемъ нашей научной жизни, то испугались пріобрѣтенной университетами нѣкоторой самостоятельности, перевернули въ нихъ все вверхъ ногами и поставили ихъ въ бѣольшую зависимость отъ чиновничества, чѣмъ это было даже при Николаѣ. Господа министры, если вы хотите, чтобы у насъ развивалось просвѣщеніе, т. е. наука, то поймите же, что это возможно теперь только при одномъ неизбѣжномъ условіи, чтобы занимающійся наукой пользовался извѣстной долей уваженія и независимости отъ вашихъ чиновниковъ, будь то тѣ же самые профессора. Вы увеличили доходность профессорскаго мѣста, но деньгами одними не создадите ученыхъ, если, не смотря ни на какія ихъ научныя заслуги, вы будете третировать ихъ какъ не позволяете себѣ, вѣроятно, третировать ни одного департаментскаго чиновника.

13 Юля. Довольно объ отечествѣ! Это только раздражаетъ, а я уже достаточно жертвовалъ своимъ здоровьемъ, чтобы, наконецъ, позволить себѣ подумать и о себѣ.

Сегодня въ 6 ч. утра насъ разбудили пушечной пальбой, а потомъ барабаннымъ боемъ по улицамъ: знакъ, что два дня откладывавшійся по случаю дурной погоды праздникъ для школьниковъ сегодня будетъ праздноваться, хотя, того и гляди, опять будетъ дождь. Но я не беру ванны, чтобы поскорѣе выпить кофе и идти смотрѣть на торжественное шествіе учениковъ въ церковь, гдѣ будутъ музыка, пѣніе и рѣчи. Какъ это маленькій городишко, всего съ 4-мя тысячами жителей, можетъ набрать столько учащихъ дѣтей, чтобы устраивать для нихъ такія торжества? Я былъ убѣжденъ, что въ праздникъ должны принимать участіе нѣсколько городовъ или по крайней мѣрѣ всѣ окрестныя мѣстечки, но ошибся. Праздновалъ окончаніе учебнаго года только Бадень, но праздновалъ весь отъ малаго до большого и отъ бѣднаго до богатого, и праздновалъ не официально только, а со всѣмъ увлеченіемъ. Это былъ день, когда до 8 ч. вечера господствовали дѣти, а родители какъ бы ступевались, заботясь лишь объ удовольствіи дѣтей, будущей надеждѣ отечества, какъ гласилъ одинъ изъ стиховъ надписи на воротахъ въ школьный садъ, гдѣ потомъ происходили всѣ увеселенія.

Въ 6 ч. утра пушечные выстрѣлы, а потомъ обходъ города барабанщиками возвѣстили, что праздникъ состоится въ этотъ день. Къ 8^{1/2} ч. все учащееся и учащее, а также члены городского управ-

ленія и всѣ служащіе, вмѣстѣ съ приглашенными почетными лицами, собрались на училищной площади, и затѣмъ шестіе направилось въ католическую церковь, какъ самую большую изъ городскихъ церквей. За Швейцарскимъ знаменемъ впереди шли барабанщики, а затѣмъ нѣсколько взводовъ учениковъ, начиная съ 12-ти лѣтняго возраста, всѣ въ военной формѣ и съ ружьями. (Въ Швейцаріи съ введеніемъ общей воинской повинности всѣ дѣти съ 12-ти лѣтняго возраста обучаются военнымъ приѣмамъ и стрѣльбѣ. Ихъ называютъ казенными. Это продолжается и въ гимназіи два раза въ недѣлю по часу. Такимъ образомъ къ отбыванію воинской повинности являются молодые люди уже съ хорошей подготовкой, что даетъ возможность сократить срокъ службы. На стрѣльбу также обращается большое вниманіе, и всѣ дѣти стрѣляютъ превосходно). Подходя къ церкви, юная армія выстраивалась шпалерами по обѣимъ сторонамъ входа. Кадеты имѣли также свое собственное знамя. За ними шли молодые ученики и оркестръ музыки, который остановился у поворота къ церкви и игралъ маршъ, когда кадеты съ своими барабанщиками заняли мѣсто передъ церковью. Затѣмъ шла стройной толпой масса дѣвочекъ при безпрестанно повторяющихся пушечныхъ выстрѣлахъ. Дѣвочки были въ самыхъ праздничныхъ платьяхъ и большею частью съ букетами цвѣтовъ. Ихъ было болѣе 500. Въ шестви принимало участіе здѣшнее пѣвческое общество и не менѣе 20 дѣвицъ, которыя должны были участвовать въ хорѣ. Въ процессіи и вообще въ праздникъ принимали участіе не только настоящіе, но и будущіе учащіеся, такъ какъ между мальчиками и дѣвочками я видѣлъ много клоповъ, не болѣе какъ 4-лѣтняго возраста.

Вся середина церкви наполнилась дѣтьми, и родителямъ пришлось стоять позади или на хорахъ. Послѣ органа и пѣнія хорового общества одинъ изъ представителей города обратился къ дѣтямъ съ рѣчью. Сначала онъ попросилъ извиненія за то, что празднованіе пришлось отложить на два дня, а затѣмъ говорилъ, какъ важно для нихъ пріучаться къ труду. Здѣсь, гдѣ всякій считаетъ обязанностью трудиться, эти фразы нельзя назвать общими фразами. Онѣ имѣли реальный смыслъ и значеніе. Затѣмъ всѣ дѣти пропѣли патріотическую пѣсню, потомъ пѣлъ смѣшанный хоръ и, наконецъ, органъ. Я сидѣлъ со стороны дѣвочекъ и обратилъ вниманіе, кто поетъ. Не пѣли только самыя маленькія, вѣроятно тѣ, которыя еще не ходятъ въ школу. Видъ дѣвочекъ производилъ особенно отрадное впечатлѣніе. Мальчики въ своихъ сѣрыхъ и черныхъ костюмахъ не имѣли такого праздничнаго вида и при томъ у нихъ уже съ дѣтства является то серьезное, сосредоточенное выраженіе, которое отличаетъ сѣвернаго Швейцарца. У дѣтей

этотъ недостатокъ оживленія на лицѣ производитъ даже впечатлѣніе тупости. Дѣвочки, напротивъ, гораздо оживленнѣе и милѣе. Еще съ Субботы по всему городу встрѣчались дѣвочки съ папильотками, и на праздникъ всѣ младшія явились съ кудрями, убранными натуральными или искусственными цвѣтами. Когда мимо меня проходила эта прелестная толпа дѣтей, нервы мои не выдержали, и у меня появились слезы. Каюсь, что я не могъ не вспомнить опять объ Россіи, и мнѣ было невыразимо грустно сравненіе. Вспомнилось мнѣ, какъ мои младшія дѣти привезли въ прошломъ году различныхъ дѣтскихъ книжекъ и раздавали ихъ крестьянскимъ дѣтямъ для чтенія. Кончилось тѣмъ, что черезъ мѣсяць уже не было ни одной книжки: маленькіе воришки, а будущіе большіе воры, мало по малу ихъ разобрали и не возвращали.

Изъ церкви тѣмъ же порядкомъ шествіе отправилось обратно на площадь училища, гдѣ дѣтей распустили, и большинство разбѣжалось по домамъ, откуда они приносили себѣ тарелку, стаканъ, ножикъ съ вилкой и ставили на столъ на свой номеръ. Длинные столы съ лавками были покрыты вмѣсто скатертей огромными листами толстой бѣлой бумаги. Закусивъ нѣсколько, ученики разошлись по домамъ, а собрались потомъ на площади желѣзной дороги, откуда шествіе, уже въ другомъ, нѣсколько измѣненномъ порядкѣ, снова отправилось въ училищный садъ, гдѣ дѣтямъ опять дали по куску мяса съ булкой, чего-то сладкаго и по стакану легкаго вина, и затѣмъ начались танцы на особенно устроенной платформѣ. Къ счастью, день былъ не жаркій, и при томъ большія деревья совершенно защищали отъ солнца какъ за столами, такъ и на платформѣ. Въ 8 часовъ три пушечныхъ выстрѣла возвѣстили окончаніе дѣтскаго праздника, начали танцовать взрослые, а за столами пили пиво и преимущественно дешевое вино Schlossberger (мѣстное). Во все время насъ, Русскихъ, не могъ не поражать удивительный во всемъ порядокъ и правильность въ исполненіи программы, какъ будто все дѣлалось послѣ многочисленныхъ репетицій, чего въ дѣйствительности не было. И при этомъ совершенное отсутствіе полиціи, что уже для нашихъ понятій являлось безобразіемъ. Я видалъ разные народные праздники въ Германіи и во Франціи; тамъ тоже не было безобразій, къ которымъ мы такъ привыкли въ подобныхъ случаяхъ у себя дома, но здѣсь все происходило необыкновенно чинно, а между тѣмъ всѣ веселились отъ души, и поздно вечеромъ можно было встрѣтить даже довольно много порядочно выпившихъ. Впрочемъ, виновать, полицейскіе были, но они ganz gemütlich попивали пиво, и только двое изъ нихъ стояли у входа на платформу, чтобы удержи-

вать публику и не давать ей стѣснять танцующихъ; а вечеромъ они нѣкоторымъ образомъ исполняли обязанность распорядителей праздника, привязывая въ петличку танцующихъ кавалеровъ (взрослыхъ) красненькую ленточку и получая съ нихъ по полуфранку въ пользу комитета, устроившаго праздникъ. Но для прїѣзжихъ дѣлались исключенія. Мой докторъ былъ любезно остановленъ словами: Herr Doktor, erlauben Sie¹⁾ и ему привязали ленточку, а одинъ изъ живущихъ въ нашемъ отелѣ, отправившійся танцовать, былъ пропущенъ безпрепятственно, и имъ по видимому доставляло удовольствіе, что въ ихъ домашнемъ празднествѣ принимаютъ участіе и посторонніе. Когда полицейскій увидѣлъ двухъ нашихъ дѣвицъ, танцующихъ одна съ другою польку, то онъ съ добродушной улыбкой замѣтилъ своему товарищу: баде-гестъ!²⁾

14 Июля. Баденъ (Швейцарскій) повидимому почти совершенно неизвѣстенъ нашимъ врачамъ, и являющіеся сюда Русскіе попадаютъ сюда по указаніямъ Германскихъ, а болѣе Швейцарскихъ врачей или прямо, отыскавъ пристанище по Бедкеру или Шмидту. А между тѣмъ этотъ городокъ для многихъ больныхъ представляетъ много привлекательнаго, хотя въ немъ считается не болѣе 4000 жителей. Мѣстоположеніе очень красивое съ большимъ обиліемъ растительности и прекрасными прогулками. Очень сильныхъ жаровъ здѣсь не бываетъ, но и въ самый яркій солнечный день и для всякаго часу дня можно выбрать тѣнистое мѣсто для прогулки, гдѣ не страдаешь отъ несносной жары. Окружающія горы не высоки и не дѣлаютъ грандіознаго впечатлѣнія, какъ въ центральной или южной части Швейцаріи; покрытыя лѣсомъ или виноградниками, мягкія очертанія ихъ производятъ болѣе успокоивающее впечатлѣніе. Вообще, кто ищетъ на водахъ не увеселеній или развлеченій, а спокойной жизни, тотъ найдетъ здѣсь всѣ прекрасныя для того условія, за исключеніемъ извозчиковъ. Таковыхъ не полагается. Съ желѣзной дороги васъ доставятъ въ экипажъ отеля. А если вы желаете сначала ориентироваться и выбрать себѣ гостиницу, то оставьте вещи на вокзалѣ и отправляйтесь пѣшкомъ. Черезъ часъ вы покончите съ вашими исканіями, такъ какъ всѣ прїѣзжіе останавливаются въ отеляхъ, а они всѣ построены на самыхъ источникахъ. Можете, пожалуй, остановиться на день въ одномъ изъ отелей верхней части города близъ самой желѣзной дороги, чтобы устроиться потомъ не спѣша. Впослѣдствіи для поѣздокъ за городъ экипажъ можно всегда имѣть изъ отеля. Малая населенность города и

¹⁾ Господинъ докторъ, позвольте.

²⁾ Badegäste (прїѣхавшіе на воды).

множество садовъ дѣлають воздухъ совершенно чистымъ, какъ въ деревнѣ. Устройство ваннъ въ большинствѣ случаевъ очень простое. Это въ большинствѣ случаевъ просто квадратные цементированные резервуары, но есть и мраморные. За то и цѣна за ванну дешевая, отъ 60 с. до 1 фр. съ бѣльемъ. Баденъ имѣетъ ту особенность, что источники составляютъ частную собственность. Каждый отель въ нижней части города имѣетъ свой источникъ, и все прочее гидротерапевтическое устройство занимаетъ нижнюю подвальную часть дома. Это имѣетъ то огромное преимущество, что больные, не стѣсняясь дурной погодою, могутъ безпрепятственно вести свое лѣченіе, такъ сказать, у себя дома, не боясь простуды послѣ горячей ванны, въ которую можно отправляться даже въ халатѣ. Нижняя часть города совершенно защищена отъ холодныхъ вѣтровъ, и вообще сильный вѣтеръ бываетъ рѣдко. Въ то время какъ на площадкѣ около казино, или по-нѣмецки кургауза, бываетъ довольно вѣтрено, внизу почти совершенно спокойно. Число прїѣзжающихъ лѣчиться сравнительно не велико, за лѣто около трехъ тысячъ, а потому и жизнь дешева. Если принять однако во вниманіе, что на нашихъ почти единственныхъ Кавказскихъ минеральныхъ водахъ на всѣхъ четырехъ группахъ число прїѣзжихъ не превышаетъ 8 тысячъ въ самый удачный годъ, то оказывается, что маленькій Баденъ далеко обогналъ нашъ знаменитый Пятигорскъ и к^о. Излишне, конечно, прибавлять, что здѣсь за 4 р. въ день можно жить съ большимъ комфортомъ, имѣя прекрасный столъ, а въ Пятигорскѣ или Кисловодскѣ во время разгара сезона приходится платить въ гостинницѣ 3 рубля только за одну мало-мальски порядочную комнату, и нигдѣ нельзя имѣть хорошаго обѣда. На правомъ берегу р. Лимать, вытекающей изъ Цюрихскаго озера, лежитъ предмѣстье, гдѣ отели еще дешевле.

НВ. 20 водоносныхъ жилъ даютъ въ день 1.020 м. литровъ воды t° отъ 39° до 49° С., большая часть 46°,5=37° R. Средняя температура въ Юнѣ (н. ст.) 7 ч.—15,5, 1 ч.—21,7, 9 ч.—14,1°, Юль 15,6—23,2; 15,3. Августъ 14,6; 21,3; 14,4. Средняя относительная влажность Юнь—77,5, Юль—74,3, Августъ—79,3. Климатъ вслѣдствіе положенія Бадена между двумя параллельными цѣпями горъ съ Запада на Востокъ, которыя соединяются между собою еще поперечными менѣе высокими горами—весьма мягкій и прїятный. Съ N Goldener Wand. Ванны два раза въ день; вечеромъ въ 5—6 ч. Въ нѣкоторыхъ отеляхъ водѣ на вечернія ванны не достаетъ. Въ водѣ ваннъ ни малѣйшаго запаха, который очевидно теряется при перекачиваніи на верхній бассейнъ.

20 *Юля*. Вчера наконецъ опять хорошій день, и мы тотчасъ послѣ обѣда повѣхали съ Шведнерами въ Оберорсдорфъ, на обратномъ пути пѣшкомъ поднялись на Baldeck. И тамъ и тутъ видъ на снѣжную цѣпь Бернъ-оберландъ великолѣпный, съ Риги и Пилатомъ на ближайшемъ планѣ. Въ бинокль на Риги можно даже разсмотрѣть гостинницу. Видъ съ Оберорсдорфа обнимаетъ меньше горной цѣпи, но за то Риги отсюда ближе, и къ этому прибавляется еще видъ на широкую долину, поднимающуюся постепенно по направленію къ Риги. По долинѣ, испещренной полями созрѣвшей ржи и пшеницы и мелкими перелѣсками, разбросаны повсюду домики и фермы, а на отдаленномъ планѣ виднѣтся какой-то городокъ. Бальдекъ лежитъ нѣсколько выше и расположенъ такъ, что ближайшіе пригорки не мѣшаютъ схватить сразу почти вдвое большее пространство снѣжной цѣпи; но подъемъ довольно крутой, и дорога, только недавно расширенная, усыпана талькой, что еще болѣе затрудняетъ путника. Къ удивленію всѣхъ я прошелъ ее безъ особаго труда, благодаря кружкѣ пива, выпитой на Оберорсдорфѣ. Въ обоихъ пунктахъ есть не только рестораны, но даже можно имѣть комнаты съ пенсіономъ. Сюда иногда пріѣзжаютъ на дачу Франсузы, какъ говорятъ, для воздуха. За сутки берутъ 4—5 франковъ. Намъ такъ понравилось, что женѣ очень хотѣлось остаться переночевать, чтобы полюбоваться утромъ восходомъ солнца, но сегодня съ утра было опять хмуро и прояснило только къ 9 ч. Я чувствую себя вообще удовлетворительно: болѣй въ ногахъ не было, но есть нѣкоторое утомленіе въ нихъ. Странный народъ эти Баденцы: не заведутъ извожиковъ. Каждый разъ, чтобы предпринять поѣздку, приходится одолжаться, прося экипажъ у хозяйки. Лошадьми можно пользоваться лишь на короткое время, такъ какъ онѣ съ тѣмъ же кучеромъ возятъ омнибусъ на станцію желѣзной дороги.

23 *Юля*. Погода стоитъ дождливая вотъ уже двѣ недѣли. Такъ повидимому повсюду, но съ весны были сильныя засухи во Франціи и въ особенности въ Германіи, гдѣ вслѣдствіе недостатка корма и подстилки для скота запретили даже вывозъ этихъ продуктовъ. Въ Англіи однако, не смотря на страшно вздорожавшій кормъ, никакихъ защитительныхъ мѣръ по обыкновенію не принимаютъ. Изъ Россіи слухи объ урожаѣ весьма благопріятны, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ необычайный. Казалось бы, при такихъ условіяхъ мы могли бы покрыть свои потери отъ предшествующихъ двухъ неурожайныхъ годовъ; но этого, разумѣется, не будетъ. Наши торговыя отношенія къ Европѣ можно опредѣлить такъ: при покупкѣ мы платимъ сколько запросятъ,

при продажѣ получаемъ сколько намъ дадутъ. Почему? Потому что мы играемъ роль страны эксплуатируемой, и Европейцы суть наши господа. Хотя несомнѣнно, что мы могли бы занять совершенно самостоятельное экономическое положеніе, но для этого нужно больше знать, больше шевелить мозгами и больше трудиться, а въ хлѣбной торговлѣ мы сдѣлали большой шагъ назадъ. Двадцать лѣтъ назадъ вывозная торговля была въ рукахъ Русскихъ капиталистовъ по крайней мѣрѣ въ сѣверныхъ портахъ; теперь она большею частью въ рукахъ Евреевъ.

Въ Фигаро напечатана корреспонденція какой-то Пашковой о бунтѣ рабочихъ на Егорьевской мануфактурѣ Хлудова. Хлудова я знаю. Это, не смотря на свои милліоны, большой скряга, но на Русскій купеческій манеръ, т. е. старается все сдѣлать подешевле, а гдѣ такъ и прижать, а на различныя свои фантазіи бросаетъ сотни тысячъ.

26 *Юля*. Ъздили въ Шинцнахъ вмѣстѣ съ Хохловкиными. Все заведеніе въ Шинцнахъ принадлежитъ одному акціонерному обществу. Хотя это считается фешенебельнымъ мѣстомъ лѣченія, но цѣны все-таки умѣренныя. Прилично меблированная комната съ полнымъ пенсіономъ стоитъ 12 фр. съ 15 *Юля*, а съ 15 *Мая* 8 фр. Ванны не роскошны, такъ что у насъ даже въ Пятигорскѣ лучше; но за то здѣсь прекрасно устроены приспособленія для душъ, вдыханія паровъ и пульверизаціи, на что у насъ почему-то совсѣмъ не обращено вниманія. Скука и однообразіе жизни должны царить здѣсь вполнѣ. Прогулокъ хорошихъ съ красивыми видами тоже нѣтъ, за исключеніемъ представляющихъ мало интереснаго развалинъ замка Габсбурговъ, колыбели Австрійскаго дома. Но въ ясную погоду видъ отсюда на снѣжную цѣпь прекрасный, хотя хуже Баденскаго Бальдека. Комитетъ, содержащій воды, имѣетъ свое полное хозяйство: 60 коровъ, 20 лошадей, курятники и пр.

Хохловкины, съ которыми мы здѣсь познакомились, оказались Караимами. Насъ долго интересовало, чтò это за народъ? Отецъ и мать говорятъ по-русски съ ошибками, и я никакъ не могъ догадаться, какого они племени. Каждый народъ ломаетъ чужой языкъ на свой манеръ, и всегда легко узнать Нѣмца, Француза или Еврея, говорящаго по-русски. Караимы произносятъ совершенно правильно, но больше всего дѣлаютъ ошибокъ въ родахъ мѣстоименій, часто говоря *они* вмѣсто *онъ*. Дочери, изъ которыхъ одна очень хорошенькая, воспитывались въ гимназій и говорятъ совершенно правильно. Замѣчательно, что и у Караимовъ, гдѣ замкнутость въ своемъ тѣсномъ пле-

менномъ кругу была еще такъ недавно отличительнымъ явленіемъ, проявляется въ послѣдніе годы въ такой сильной степени сліяніе съ Русскими въ отношеніи языка. У Евреевъ это выражается еще рѣзче. Приѣхавъ два года тому назадъ, я былъ пораженъ, услыхавъ повсюду на улицѣ и въ публичныхъ мѣстахъ исключительно Русскій языкъ и при томъ совершенно правильный, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особыхъ выраженій, свойственныхъ вообще южнымъ Русскимъ, напр. я скучалъ за васъ, вмѣсто я объ васъ соскучился. Между тѣмъ 15 лѣтъ тому назадъ слышались разговоры Французскіе, Греческіе и больше всего Еврейскіе. Молодое поколѣніе Евреевъ даже между собой старается говорить по-русски, по крайней мѣрѣ на публикѣ, чтобы ихъ приняли за Русскихъ. А за границей наши Евреи всегда называютъ себя Русскими. На обрусѣніе Одессы вліялъ, конечно, много университетъ; но главнымъ образомъ наплывъ туда Русскаго элемента съ открытіемъ въ ней судебного и военнаго округовъ, такъ какъ до того Русскаго общества почти не существовало. Но несомнѣнно самой главной причиной было развитіе и распространеніе школъ, начиная съ низшихъ до высшихъ, и общее стремленіе къ обученію, такъ рѣзко выразившееся въ прошлое царствованіе, и развитіе общихъ культурныхъ и экономическихъ интересовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что черезъ 20 л. не будетъ существовать у насъ на Югѣ и Нѣмецкаго вопроса. Пока Нѣмецкія колоніи жили отдѣльной своей жизнью, имъ не было надобности ни въ Русскомъ языкѣ, ни въ Русскомъ образованіи. Теперь дѣло стоитъ иначе, и нѣтъ надобности поднимать гвалтъ и кричать, что у насъ на Югѣ создалась новая Германія. Скоро по-нѣмецки будутъ говорить только старики. Обрусѣніе пошло бы у насъ повсюду еще охотнѣе, если бы этому не мѣшало наше духовенство, не соглашающееся, чтобы Католики и Лютеране отправляли богослуженіе на Русскомъ языкѣ. Нѣмецъ долженъ непременно изучать Нѣмецкій языкъ, хотя бы онъ родился въ Россіи, потому что онъ иначе не можетъ отправлять своихъ религіозныхъ обязанностей. Чтобы сдѣлаться вполнѣ Русскимъ, ему необходимо перейти въ православіе; а въ интересахъ Россіи этого, въ сущности, не требуется. Если бы Лютеранское богослуженіе совершалось по-русски, то и иностранные Нѣмцы, живя нѣсколько лѣтъ въ Россіи, должны были бы учиться по-русски, чтобы присутствовать въ церкви. Я не говорю уже о Полякахъ, у которыхъ не только искусственно поддерживается Польскій языкъ, но и другихъ Католиковъ дѣлаютъ съ ними болѣе или менѣе солидарными, потому что во всей Россіи, за исключеніемъ Москвы и Петербурга, заставляютъ молиться въ Польскихъ церквахъ и имѣть духовниками Польскихъ ксендзовъ. Не трудно себѣ представить, что было бы, если бы,

установивъ дополнителныя молитвы на Русскомъ языкѣ, наше правительство не допустило бы Польскихъ священниковъ во всѣхъ губерніяхъ кромѣ Польскихъ.

(15) 27 *Іюля*. Сегодня я именинникъ и сижу цѣлый день дома, потому что весь день идетъ дождь, а вчера на ночь меня обрабатывали мокрой простыней и, кажется, простудили.—Здѣсь, т. е. въ Швейцаріи, поразительно дешевы нѣкоторые продукты, не смотря на недостатокъ земли и густоту населенія. Картофель стоитъ 8 фр. за 100 к., т. е. 1 фр. 30 с. пудъ или 32 к., когда въ Москвѣ онъ рѣдко бываетъ дешевле 30 коп., обыкновенная же цѣна 35—40 к. Медь лучшій стоитъ въ розничной продажѣ 2—2 50 фр., а анталъ 1. 30—2 фр. Но за то чертовски дороги лошади: за посредственную нужно заплатить 1600 фр. Мнѣ рассказывали, что какой-то Нѣмецъ купилъ въ Карлсбадѣ незавидную лошадь и привезъ сюда съ собой въ Баденъ, заплативъ тамъ 1500 фр. Говорятъ, у насъ такая лошадь стоитъ не болѣе 170 рубл. Какія же деньги наживаютъ Австрійскіе ремонтеры, покупающіе у насъ лошадей по 200 рубл.? А наши газеты, сообщая объ этомъ, радуются, что намъ даютъ хорошія цѣны. Если бы лѣнивый Русакъ отвезъ въ Австрію въ годъ сто лошадей, то навѣрное нажилъ бы чистыхъ 10000. Кукуруза 17 фр. за 100 к. Хохловкинъ вчера говорилъ мнѣ, что онъ для своего винокуреннаго завода покупаетъ теперь по 35 коп. за пудъ въ Мелитополѣ.

12 *Августа*. Вчера пріѣхали въ Энгельбергъ черезъ Цюрихъ и Риги. Женѣ хотѣлось побывать на Риги-Кульмъ, такъ какъ она не видѣла еще паяорамы снѣжныхъ горъ вблизи; я же не охотникъ до посѣщенія такихъ мѣстъ, куда съѣздить всякій считаетъ своею обязанностью. Въ Энгельбергѣ всѣ отели и частныя квартиры оказались переполненными, такъ что съ трудомъ можно было найти помѣщеніе въ простомъ, довольно бѣдномъ, крестьянскомъ домикѣ. Я рѣшилъ не перемѣнять этого идиллическаго жилища, хотя на другой день можно было занять помѣщеніе въ отелѣ или въ частномъ домѣ несравненно лучше обставленномъ. Наша хозяйка, очень религіозная старая дѣва, перебивается кое-какъ, но всюду все чисто и опрятно; чего же еще нужно? Отельная жизнь съ пансіономъ мнѣ надоѣла уже, а тутъ мы свободны: ѣдимъ не по звонку, а когда и гдѣ хотимъ. Въ Цюрихѣ теперь международный конгрессъ социалистовъ. Я воспользовался такимъ прекраснымъ случаемъ, чтобы познакомиться съ положеніемъ социалистовъ, приобретающихъ все болѣе и болѣе значенія въ развитіи современной исторіи человѣчества. Съѣздъ предполагался весьма многочисленный и

импозантный послѣ успѣховъ, одержанныхъ социалистами на послѣднихъ Германскихъ выборахъ. Интересно было конечно посмотреть и слышать свѣтилъ современнаго социализма, между которыми затесался и одинъ Русскій представитель какой-то воображаемой Русской социалистической группы рабочихъ.

Въ компаніи съ двумя Русскими мы отправились утромъ въ Воскресенье въ Цюрихъ (изъ Бадена), чтобы видѣть торжественное шествіе представителей социализма различныхъ партій. Всего болѣе было конечно Швейцарцевъ, гдѣ социализмъ въ послѣдніе годы сдѣлалъ большіе успѣхи; затѣмъ Нѣмцевъ, Французовъ, по случаю выборовъ въ палату, было сравнительно мало, но за то они отличались въ своихъ рѣчахъ самымъ крайнимъ направлениемъ. Шествіе продолжалось около 3 часовъ. Говорятъ, что членскихъ билетовъ роздано до 700; но весьма возможно, что цифра преувеличена съ цѣлью придать конгрессу больше значенія. Для того же, вѣроятно, въ процессію помѣстили и дѣтей, и отдѣльныя группы шли очень рѣдкими рядами. Шествіе было конечно красиво и совершалось въ полнѣйшемъ порядкѣ, съ нѣсколькими оркестрами музыки, знаменами, значками и различными девизами, написанными и нарисованными на большихъ щитахъ. До появленія шествія на площади, куда оно направлялось, было четыре полицейскихъ, которые не позволяли публикѣ занимать мѣста, предназначенныя для членовъ конгресса. Но когда пришли первыя группы социалистовъ, то полицейскіе отстранились, и публика смѣшалась съ членами конгресса, чтобы занять мѣста поближе къ ораторамъ, которые должны были говорить привѣтственные рѣчи. Впрочемъ это произошло только тогда, когда делегаты заняли свои мѣста. Во всѣхъ рѣчахъ слышалась большая самоувѣренность. Видно, что вожаки почувствовали подъ собою твердую почву. Иначе и быть не могло, когда передъ ихъ глазами были тысячи представителей защищаемой ими идеи, съѣхавшихся изъ всѣхъ государствъ и странъ свѣта. а за ними дома стоятъ еще милліоны рабочихъ, примкнувшихъ уже къ социализму.

Два замѣчанія. Не говоря уже о томъ, что всѣ участвовавшіе въ процессіи были одѣты настолько щегольски, чего у насъ не встрѣтишь иной разъ даже между людьми, имѣющими порядочныя средства. но нѣкоторыя группы рабочихъ (садовники, кузнецы, мясники, и др.) имѣли просто театральнй видъ и нисколько не напоминали пролетаріевъ, которыхъ они явились изображать. Въ Европѣ любятъ театральныя процессіи. Въ толпѣ было очень много Русскихъ, болшею частью молодыхъ, учащихся въ Швейцаріи и Германіи. Болшею частью ихъ

можно было узнать издали по виду. Большинство было одѣто гораздо неряшливѣе здѣшнихъ рабочихъ, а нѣкоторые особенно отличались своимъ дикимъ видомъ, столь характернымъ для нашихъ студентовъ, пока на нихъ не надѣли форму. Съ однимъ такимъ дикаремъ мы познакомились. Когда мы отыскивали себѣ мѣсто, то онъ обратилъ на себя мое вниманіе именно всей своей виѣшностью. Онъ сидѣлъ на пригоркѣ какъ-то особенно скорчившись и, услыхавъ нашъ Русскій разговоръ, исподлобья взглядывалъ на насъ съ какой-то подозрительностью и злобой, какъ звѣрь, который боится, что его хотятъ поймать. Но все это было или напускное, или результатъ той странной ненависти, которую часто встрѣчаешь у нашихъ юныхъ либераловъ ко всѣмъ Русскимъ, стоящимъ выше и счастливѣе ихъ въ соціальномъ положеніи. Впослѣдствіи онъ оказался довольно добродушнымъ человѣкомъ и даже оказывалъ мнѣ любезно различныя услуги, кажется узнавъ, кто я. Фамилія его такъ и осталась мнѣ неизвѣстною, но по видимому онъ принадлежитъ къ самымъ яримъ краснымъ. Тутъ же я случайно познакомился съ докторомъ Васильевымъ, играющимъ теперь выдающуюся роль между Швейцарскими соціаль-демократами въ качествѣ секретаря Бернского рабочаго союза. Онъ сынъ синолога, профессора Петербургскаго университета и академика, живетъ уже 16 лѣтъ въ Швейцаріи и въ настоящее время состоитъ даже Швейцарскимъ подданнымъ (виноватъ, гражданиномъ), посвятивъ всю свою дѣятельность рабочимъ. Относясь обыкновенно съ большой сдержанностью (граничащей съ недовѣріемъ) къ интеллигентамъ, предлагающимъ имъ свои услуги, рабочіе вполне довѣряютъ Васильеву. Онъ дѣйствительно съ перваго раза производитъ пріятное впечатлѣніе и какъ настоящій Европеецъ не считаетъ необходимымъ придавать себѣ особый обликъ демократизма на манеръ нашихъ доморощенныхъ демократовъ-бурсаковъ. Не смотря на довольно обыкновенныя и мелкія черты лица того Русскаго типа, въ которомъ несомнѣнно значительно преобладаетъ Финская кровь Мордвы и т. п., въ немъ съ перваго раза, въ особенности при разговорѣ, замѣчаешь умъ и тактъ, и въ небольшихъ пріятныхъ темныхъ глазахъ по временамъ блеститъ твердость воли и вообще, какъ говорятъ, характеръ. Онъ держится въ сторонѣ отъ заграничной Русской молодежи и по видимому заклятый врагъ анархистовъ.....

Вотъ я записалъ этотъ пустякъ, а между тѣмъ есть много другого, болѣе важнаго, чтѣ необходимо внести въ эту тетрадь. Но мнѣ такъ тяжело объ этомъ говорить и, взявъ перо съ тѣмъ, чтобы рассказать именно это, я заговорилъ о другомъ. Но когда нибудь нужно же это сдѣлать, какъ ни откладывай. Нужно не потому только, что въ моей

жизни это катастрофа, выбившая меня совершенно изъ колеи, что это ужасное оскорбленіе, поразившее меня до самыхъ мельчайшихъ фибръ сердца, все это въ сущности неважно, потому что касается лишь меня; нужно это записать, какъ явленіе характерное для переживаемаго нами времени. Буду писать для облегченія себя, хоть понемногу и съ промежутками.

Возвратившись изъ-за границы, я нашелъ у себя на столѣ предписаніе попечителя о сдачѣ лабораторіи вновь назначенному профессору Зелинскому и объ освобожденіи занимаемой мною казенной квартиры. Я немедленно распорядился подготовкою имущества лабораторіи къ сдачѣ, а жена каждый день ѣздила по городу, отыскивая квартиру. Зелинскій хотѣлъ ограничиться формальнымъ приѣмомъ, спѣша сдѣлаться поскорѣе полнымъ хозяиномъ; но, дабы не дать возможности говорить впослѣдствіи, что имущество лабораторіи найдено въ безпорядкѣ, я настоялъ, чтобы все было принято по описи. Это не представлялось затруднительнымъ, потому что мною введенъ былъ полный порядокъ, какой едва ли найдется въ другомъ кабинетѣ Московскаго университета. Я держался порядковъ, существовавшихъ въ прежнее время въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ я имъ и научился. Но сдача, конечно, потребовала нѣсколькихъ дней, тѣмъ болѣе, что хозяйственный лаборантъ былъ отвлекаемъ безпрестанно другими порученіями Зелинскаго. Прошло четыре дня, и я удивлялся, не получая никакого извѣщенія о квартирѣ со стороны Правленія университета. Видно, подумалъ я, имъ все-таки совѣстно меня тревожить, и мнѣ дадутъ спокойно приискать квартиру къ Октябрю, такъ какъ въ это время трудно найти въ Москвѣ удобную. Но въ тотъ же вечеръ я получилъ бумагу „весьма нужную“, съ предписаніемъ освободить квартиру немедленно.

Ровно 20 лѣтъ тому назадъ я пріѣхалъ въ Москву и нашелъ преподаваніе химіи въ университетѣ въ слѣдующемъ положеніи. Мой предшественникъ по кафедрѣ, Лясковскій былъ человекъ, несомнѣнно талантливый, съ широкимъ энциклопедическимъ образованіемъ и блестящій ораторъ; но онъ давно уже бросилъ заниматься химіей и совершенно отсталъ отъ науки. Работъ, кромѣ нѣсколькихъ маленькихъ, сдѣланныхъ еще подъ руководствомъ Либиха, у него не было, и онъ совсѣмъ не заглядывалъ въ лабораторію, предоставивъ все своему лаборанту изъ фармацевтовъ Феррейну, хотя ему дали степень кандидата. Лабораторія была въ самомъ невозможномъ положеніи, такъ что въ ней едва можно было работать. Это была несомнѣнно худшая изъ всѣхъ лабораторій въ Россіи, хотя она занимала отдѣльное, довольно

большое зданіе. Получая 2500 р. въ годъ, она однако не имѣла ни препаратовъ для лекцій, ни посуды, ни матеріаловъ; но ко времени моего пріѣзда у нея былъ долгъ въ аптеку Феррейна въ 1600 рубл. Кромѣ Лясковскаго былъ еще преподаватель Н., совершенное ничтожество. Для характеристики его достаточно сказать, что онъ тогда уже 13 лѣтъ какъ состоялъ исправляющимъ должность адъюнкта, т. е. значить, былъ выбранъ еще до устава 1864 г. и до сихъ поръ еще не могъ представить магистерской диссертациі. Слѣдуетъ прибавить, что это былъ человѣкъ больной чахоткой (умеръ черезъ три года), очень самолюбивый и по болѣзни раздражительный. Правильныхъ практическихъ занятій для студентовъ не только не существовало, но по словамъ нѣкоторыхъ изъ старшихъ курсовъ, хотя они и допускались къ занятіямъ въ лабораторіи, но не только безъ руководителей, но въ лабораторіи часто не было ни одного сторожа, такъ что практиканты предоставлены были вполнѣ самимъ себѣ. И это въ то время, когда во всѣхъ нашихъ университетахъ были уже устроены вездѣ по возможности практическія занятія. Естественно, что во время сѣзда естественниковъ въ Москвѣ въ 1869 г. положеніе химіи въ здѣшнемъ университетѣ произвело на всѣхъ Русскихъ химиковъ крайне непріятное впечатлѣніе. Вообще считалось, что въ Москвѣ химія отсутствуетъ.

Мною тотчасъ же были введены правильныя занятія аналитической химіей, а для старшихъ курсовъ органической со слѣдующаго года. Лабораторія приведена въ возможный порядокъ, исправлены и сдѣланы вновь тяги, такъ что можно было работать безъ вреда для здоровья. Для своихъ занятій я приспособилъ одну изъ комнатъ, занятую шкафомъ съ разрозненной библіотеккой и разнымъ хламомъ. Специальныя средства университета находились не въ лучшемъ видѣ, благодаря плуту и пьяницѣ секретарю Правленія. Въ кассѣ университета не нашлось даже 300 рублей, которыя я спросилъ для приспособленія своей рабочей комнаты, и мнѣ уступилъ ихъ Герцъ изъ суммъ кабинета изящныхъ искусствъ. Добывать денегъ для приведенія хотя въ нѣсколько приличный видъ лабораторіи было слѣдовательно не легко, тѣмъ болѣе, что факультетъ относился къ этому совершенно равнодушно, а нѣкоторые члены, какъ напр. Усовъ, даже враждебно: имъ не нравилось приглашеніе профессоровъ изъ другихъ университетовъ, зарекомендовавшихъ себя въ наукѣ, и благодаря тому же Усову разстроилось приглашеніе на кафедрѣ ботаники извѣстнаго*). Усовъ по этому поводу мнѣ сказалъ: „намъ не нужно знаменитостей, мы и безъ

*) Въ подлинной рукописи пропускъ. П. Б.

нихъ обойдемся“. Для характеристики Московскаго университета расскажу такой фактъ. Въ другихъ университетахъ уже сложилось тогда мнѣніе объ особыхъ порядкахъ, господствующихъ въ Москвѣ. Пользовался заслуженнымъ уваженіемъ лишь историко-филологическій факультетъ. О другихъ, особенно объ естественномъ отдѣленіи, мнѣніе было неважное, и я долго колебался принять приглашеніе перейти сюда изъ Одессы; рѣшился только потому, что въ это время Московскій университетъ свергнулъ иго Леонтьева, и можно было надѣяться, что онъ этимъ показалъ, что желаетъ жить новой жизнью, подобно другимъ университетамъ. Еще будучи студентомъ, я слышалъ, что въ Московскомъ университетѣ нельзя получить дипломъ по окончаніи курса, не заплативъ канцеляріи трехъ рублей. Но то, что узналъ я въ 1873 г., превосходило всякія ожиданія. Оказывается, что лабораторіи были также обложены податью. Передъ Рождествомъ лаборантъ мой спрашиваетъ меня, какое будетъ распоряженіе о водкѣ, обыкновенно посылаемой къ праздникамъ въ Правленіе? Изъ разспросовъ оказалось, что издавна установился обычай, что лабораторія должна къ Рождеству прислать въ Правленіе три ведра водки не простой, а настоенной на травахъ. Изъ нихъ одно ведро беретъ себѣ секретарь, а остальные дѣлятся между канцеляріей. Я конечно отклонилъ этотъ милый обычай и этимъ нажилъ себѣ враговъ въ Правленіи. Кстати расскажу еще объ одномъ прелестномъ обычаѣ. Не задолго до моего перехода въ Московскій университетъ умеръ доцентъ ботаники Кауфманъ. (Онъ былъ очень недолго преподавателемъ, такъ что исторія должна относиться приблизительно къ 1870 году). Приходитъ къ нему въ Маѣ по обыкновенію фармацевтъ съ листомъ, на которомъ профессоръ долженъ былъ отмѣтить, что означенный фармацевтъ слушалъ у него лекціи. Кауфманъ возвращаетъ листъ съ вложенной бумажкой. Фармацевтъ уходитъ, является другой: таже исторія, но на этотъ разъ Кауфманъ возвращаетъ подписанную бумагу замѣтивъ: „Вы забыли въ бумагѣ пять рублей“. Сконфуженный фармацевтъ объяснилъ, что по обычаю каждый слушатель профессорскихъ курсовъ долженъ былъ уплатить каждому профессору пять рублей, а декану—десять. Однажды, послѣ того какъ мнѣ рассказалъ это профессоръ Цингеръ (слышавшій эту исторію отъ самаго Кауфмана) я, въ разговорѣ съ профессоромъ фармаціи Гивартовскимъ, спросилъ его, правда ли, что фармацевты были обложены такой податью, онъ пренаивно объяснилъ мнѣ, что это была отнюдь не взятка. Во время деканства Анке онъ ввелъ эту плату за дополнительныя лекціи, которыя профессора должны были читать фармацевтамъ передъ экзаменами. Одинъ годъ профессора прочли по пяти лекцій, а потомъ получали „по обычаю“.

Возвращаюсь къ себѣ. Въ первый же годъ я сталъ хлопотать о постройкѣ новой лабораторіи, но, не смотря на сочувствіе къ этому министра графа Толстого, дѣло затормозили свои же товарищи. Я нарочно объѣхалъ всѣ лучшія лабораторіи Европы (не получивъ на это ни копейки отъ университета), разработавъ въ подробности проектъ съ архитекторомъ. Но Усовъ и Архиповъ сумѣли затормозить дѣло, и его пришлось отклонить на десять лѣтъ. Студентовъ-естественниковъ было очень мало, но большинство ихъ стало заниматься химіей, не смотря на то, что я былъ гораздо требовательнѣе на экзаменахъ, чѣмъ другіе, да и въ лабораторіи была введена строгая дисциплина. Вскорѣ изъ лабораторіи стали появляться работки студентовъ въ печати. Впослѣдствіи мнѣ удалось построить большую лабораторію на 120 человекъ, и въ послѣдніе годы изъ нея выходило изслѣдованій болѣе чѣмъ изъ какой-либо другой Русской лабораторіи. Всего до сего времени въ Русскомъ Химическомъ Журналѣ напечатано изъ моего отдѣленія 98 статей. При Обществѣ Любителей Естествознанія мною основано химическое отдѣленіе, которое собирается разъ, а иногда и два раза въ мѣсяцъ, при чемъ почти большая часть сообщеній дѣлалась изъ моей лабораторіи. Въ нынѣшнемъ году мною же устроена аналитическая комиссія съ цѣлью придти на помощь различнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ при химическихъ изслѣдованіяхъ. Словомъ, я смѣло могу сказать, что единственно моими трудами химія, такъ сказать, создана въ Москвѣ, что и выражено было въ началѣ нынѣшняго года въ адресѣ, поданномъ мнѣ химическимъ отдѣленіемъ по поводу моего отказа отъ предѣдательства въ немъ. И вотъ въ благодарность за все мною сдѣланное мнѣ говорятъ: „Убирайтесь вонъ! Вы не нужны!“

Я слышу со стороны химиковъ сочувствіе. Но чтоже изъ этого? На моей дѣятельности, какъ химика, поставленъ крестъ, хотя я могъ бы еще съ пользой работать. Обидно не за себя только, но за науку въ Россіи и за несчастныхъ ея представителей, которыхъ превращаютъ въ холоповъ. И это дѣлается при усердной помощи своихъ же собратьевъ-профессоровъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что случившееся со мной (со Столѣтовымъ сдѣлали почти тоже) есть результатъ исторіи съ адресомъ ректору, и во всемъ этомъ кромѣ послѣдняго принималъ дѣятельное участіе еще помощникъ ректора Некрасовъ, а Слуцкій почему-то разыгралъ *agent-provocateur*. Я не ухожу сейчасъ же изъ университета потому, что не хочу этимъ доставить удовольствія министру и попечителю: оба конечно были бы очень довольны отъ меня избавиться. Выборъ ихъ палецъ на Зелинскаго въ этомъ отношеніи очень удачно. Этотъ слѣтокъ, обрадовавшись свалившейся ему неожиданной

благодати, дѣлаеть съ своей стороны все, чтобы испортить и безъ того мое скверное нравственное положеніе.

Еще вскорѣ по введеніи новаго устава мнѣ довелось слышать отъ людей, стоящихъ близко къ Министерству, какого взгляда держатся тамъ на университеты. Министръ за основаніе своей политики къ университетамъ принялъ за правило, что исправить университеты можно только замѣнивъ прежній составъ профессоровъ новымъ; но такъ какъ нельзя продѣлать съ университетами того, что Министерство Государственныхъ Имуществъ продѣлало съ Петровской Академіей, то онъ сталъ тотчасъ же назначать сверхштатныхъ профессоровъ и пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы выживать старыхъ профессоровъ, не стѣняясь ихъ научными заслугами, если почему нибудь эти лица съ административной точки зрѣнія считались вредными. Вредными же оказывались всѣ лучшія научныя силы по той простой причинѣ, что всякій порядочный ученый въ большинствѣ случаевъ человѣкъ самостоятельный и не станетъ въ угоду начальству поступаться своими убѣжденіями; у насъ же всегда было такъ, что начальство всякія убѣжденія, кромѣ своихъ, считало вредными, а теперь такой взглядъ положенъ въ основу правительственной системы. Такимъ образомъ изъ Петербургскаго университета выжиты Менделѣевъ и Съченовъ, изъ Московскаго Ковалевскій. Хотя, по уставу, профессоровъ, исправляющихъ должность, не полагается; но такъ какъ доценты уничтожены новымъ уставомъ, а профессоромъ можетъ быть только имѣющій степень доктора, то министръ безпрестанно назначаетъ исправляющими должность каждый разъ по высочайшему повелѣнію. При этомъ очень часто не имѣется даже степени магистра. Нѣкоторые изъ нихъ потомъ шатались изъ одного университета въ другой, гдѣ бы пропустили ихъ убогую диссертацию. Къ сожалѣнію, наши университеты столь же мало способны отстаивать свою самостоятельность, какъ и всякое другое Русское общество. Они не пользуются единственнымъ оставшимся у нихъ въ рукахъ способомъ обезпечить себя достойнымъ контингентомъ преподавателей и относятся къ диссертациямъ на ученныя степени еще болѣе холодно, чѣмъ прежде. Однако случалось, что университеты возмущались невѣжествомъ вновь назначенныхъ, но... кончалось тѣмъ, что Министерство принимало обиженнаго подъ свою защиту, и университетъ, оставшись разъ, что называется, съ носомъ, больше уже не совался. Такъ, напр., было въ Одессѣ съ нѣкимъ Чижовымъ. Получивъ съ грѣхомъ пополамъ магистра, кажется въ Варшавѣ, онъ представилъ докторскую диссертацию въ Одессѣ. Нашлись пріятели, и диссертациа прошла въ факультетѣ и на диспутѣ, но другая половина

факультета была о ней иного мнѣнія. Совѣтъ, который по уставу утверждаетъ въ степени, не утвердилъ Чижова. Тогда на выручку явился старый негодай и интриганъ **. Онъ подалъ отдѣльное мнѣніе, въ которомъ проводилъ ту мысль, что Совѣтъ можетъ не утверждать только въ случаѣ неисполненія какихъ либо формальностей. Министерство согласилось съ нимъ и предписало Совѣту утвердить Чижова докторомъ. Однако министръ не рѣшился сообщить такое разъясненіе соответствующаго параграфа устава другимъ университетамъ, что обыкновенно дѣлается въ подобныхъ случаяхъ циркулярно. Ясно, что онъ боялся встрѣтить возраженія, а для него нужно было показать въ Одессѣ, какъ должно относиться къ лицамъ, назначеннымъ Министерствомъ, и въ тоже время поддержать своего ставленника. Конечно, между вновь назначаемыми попадаютъ и достойные ученые; но масса назначеній доказываетъ, что руководятся главнымъ образомъ рекомендаціями и просьбами довѣренныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ главную роль играютъ Любимовъ, Архиповъ, наши Богдановъ и Захарьинъ. Послѣдніе проводятъ обыкновенно своихъ молодцовъ. При рекомендаціяхъ попадаютъ на каедры такіе гуси, которые при выборномъ началѣ конечно никогда не были бы выбраны. Между первыми сверхштатными, назначенными по новому уставу, были двое медиковъ: П. и К. Первый просто ничтожество, но послѣдній отъявленный негодай, способный унижаться до послѣдней степени не только передъ высшими міра сего, но и передъ всякимъ, въ комъ ему нужно заискать. Онъ назначенъ по протекціи покойнаго генераль-губернатора, у котораго онъ лѣчилъ дворню. Вотъ какая стряслась съ нимъ исторія. Нынѣшней весной разнесся слухъ, что въ хирургической клиникѣ у К. фельдшеръ занимается ростовщичествомъ, оперируя на деньги самого профессора. Склифасовскій, который его терпѣть не могъ, заявилъ объ этомъ въ факультетъ, вѣроятно переговоривъ сначала съ попечителемъ. Факультетъ поручилъ декану сообщить объ этомъ попечителю. Послѣдній произвелъ дознаніе и явное и тайное черезъ сыскную полицію (это очень мило) и сообщилъ факультету, что никакихъ положительныхъ доказательствъ участія К-а не найдено. Тѣмъ дѣло и предполагалось прикончить. Достопочтенные профессора медицинскаго факультета,образивъ желаніе начальства, порѣшили предать дѣло волѣ Божіей, хотя большинство ихъ считаютъ К-а вполне способнымъ на такое дѣяніе и вообще человѣкомъ для университета неприличнымъ. Студенты взглянули на дѣло нѣсколько иначе, и нынѣшній годъ изъ пятаго курса ни одинъ человѣкъ не записался на лекціи К-а. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ объясняться. Интересно, какъ поступитъ министръ.

25 Октября. Сегодня въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатано: „Профессоръ хирургіи Казанскаго университета Левшинъ переводится профессоромъ и директоромъ госпитальной клиники въ Московскомъ университетѣ, а профессоръ Московскаго университета К. профессоромъ хирургіи въ Казанскій университетъ“. Сегодня же мнѣ передавали изъ вѣрныхъ источниковъ, что въ Хирургическомъ Обществѣ предполагалось поднять вопросъ объ исключеніи К-а изъ членовъ. Предупрежденный своевременно, К. прислалъ заявленіе о выходѣ изъ членовъ какъ разъ въ то засѣданіе, когда долженъ былъ обсуждаться вопросъ о его баллотировкѣ. Бѣдный Казанскій университетъ! Попечителемъ тамъ битый студентами въ бытность его тамъ же инспекторомъ.

2 Февраля 1894 года. Выписываю изъ статьи Блюха: „Будущая война“ („Русскій Вѣстникъ“ 1893 г.) интересныя данныя о ростѣ социализма въ Германіи, въ 1874 г. социалисты выставили 352,000 избирателей, въ 1884 г.—350000 (были репрессивные законы); въ 1887 г.—760,000, въ 1890 г.—1,427,000. Въ 1884 г. въ Парламентѣ было 24 социалиста, а въ 1890 г.—35. На послѣднихъ выборахъ число социалистическихъ депутатовъ, какъ извѣстно, увеличилось. Такъ какъ всѣхъ вотировавшихъ избирателей въ 1890 г. было 5,800,000, то социалисты составляли около 25%. Либкнехтъ утверждаетъ, что 20% народа социалисты. Такимъ образомъ социализмъ развивается въ Германіи съ 1870 года необычайно быстро, благодаря главнымъ образомъ общему недовольству на необычайное возрастаніе послѣ войны налоговъ, на общую дороговизну и милитаризмъ. Но самая существенная сила социализма это необычайно строгая дисциплина партіи. О другихъ странахъ Блюхъ не говоритъ. Важный успѣхъ въ послѣдніе годы сдѣлалъ социализмъ, пробравшись въ Швейцарію, гдѣ онъ быстро овладѣваетъ рабочими. Въ прошломъ году къ международному обществу социалистовъ примкнулъ рабочій союзъ Grütleverein, имѣющій развѣтвленіе по всей Швейцаріи. На конгрессѣ въ Цюрихѣ Грютлианцы честрованы вмѣстѣ съ социалистами вслѣдствіе рѣшенія ихъ съѣзда принять въ главныхъ чертахъ программу социалистовъ. Французскіе социалисты хотя не имѣютъ дисциплины и почти сливаются съ анархистами, но благодаря политическимъ условіямъ социализмъ и здѣсь быстро распространяется. Вслѣдствіе характера Французовъ можно ожидать, что первый выстрѣлъ въ будущей войнѣ противъ современнаго строя будетъ сдѣланъ все-таки во Франціи. У насъ недавно прошелъ законъ о неотчуждаемости крестьянскими обществами своей земли и о запрещеніи крестьянамъ, выкупившимъ свой надѣлъ, отчуждать его кому-либо помимо общества. Сверхъ того, узаконено, что отдѣльные крестьянскіе участки могутъ продаваться за

долги и пр.; надѣлы же отъ общественной земли не продаются. Такимъ образомъ правительство насильно загоняетъ частныхъ собственниковъ въ общники. Словомъ, у насъ, какъ я постоянно утверждаю, правительство встало и идетъ во главѣ соціализма. А между тѣмъ Германскіе соціалисты ненавидятъ настолько Россію, что для нея отступаются даже отъ своихъ коренныхъ догматовъ. Извѣстно, что однимъ изъ основныхъ положеній международнаго союза соціалистовъ служить отрицаніе войны, и въ самомъ началѣ Французскаго столкновенія Бебель и Либкнехтъ открыто высказывались противъ нея въ Сѣверогерманскомъ парламентѣ. Они также подали голоса и противъ присоединенія Эльзаса и Лотарингіи. Но когда, нѣсколько лѣтъ спустя, въ общегерманскомъ рейхстагѣ зашла рѣчь объ Россіи, то тѣже Либкнехтъ и Бебель, отъ имени всѣхъ Германскихъ соціалистовъ, высказали, что въ случаѣ войны съ этой державой ихъ партія считаетъ себя не обязанной отдѣляться отъ другихъ. Какъ это объяснить? Несомнѣнно, объясненіе у соціалистовъ найдется. Они не безъ основанія скажутъ, что къ такой странѣ, гдѣ подавляется всякая личная самостоятельность, всякое проявленіе индивидуальной и общественной свободы, не могутъ быть примѣняемы ни общіе взгляды, выработанные на почвѣ Западно-европейской свободы, ни тѣ мѣры, которыя пригодны для развитія и утвержденія соціальныхъ идей въ культурныхъ странахъ. Такъ дѣйствительно и говорятъ соціалисты не только въ Германіи, но и повсюду, и слѣдуетъ прибавить еще, что они такъ и думаютъ. Однако не трудно, мнѣ кажется, усмотрѣть во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ полнѣйшее отсутствіе логичности, а отсюда и полнѣйшую непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ самыхъ повидимому умѣренныхъ и легальныхъ соціалистовъ, какъ Германскіе, дѣла страшно ненавидящихъ анархистовъ и не желающихъ имѣть съ ними что-либо общее, но протягивающихъ руку Русскимъ анархистамъ и считающихъ дозволительными въ Россіи всѣ средства борьбы съ ея современнымъ общественно-политическимъ строемъ. Непослѣдовательность здѣсь такъ ясна, она такъ бьетъ въ глаза, что трудно понять, какъ ея не замѣчаютъ и не понимаютъ сами соціалисты, т. е. конечно ихъ образованные вожаки; потому что масса руководится больше всего своими инстинктами, передѣланными и возвышенными до степени принципозъ отвлеченными теоретиками. Неужели и здѣсь, какъ несомнѣнно это замѣчается во многихъ другихъ случаяхъ, западные мыслители оказываются слишкомъ мало знакомы съ Россіей или, что еще хуже, мыслятъ и дѣйствуютъ подъ вліяніемъ ненависти къ намъ и традиціонной боязни Русскихъ казаковъ? Для насъ это во всякомъ случаѣ невыгодно. Это препятствуетъ установленію правильной и естествен-

ной международной связи даже между наиболее враждебными другъ къ другу Европейскими народностями. Невыгодно это и для нашего домашняго дѣла, для внутренняго развитія, потому что ошибочная точка зрѣнія въ извѣстныхъ случаяхъ у Западныхъ сосѣдей на наши дѣла и порядки даетъ возможность нашимъ ретроgradamъ пользоваться этими частными ошибками и, дѣлая изъ нихъ общіе выводы, приходитъ къ заключенію, что вообще намъ нѣтъ надобности обращать вниманіе на то, что о насъ думаютъ и говорятъ. Это утрированное пониманіе самостоятельности, необходимой для правильнаго развитія каждаго народа, эксплуатируется у насъ, какъ извѣстно, въ настоящее время самымъ усиленнымъ образомъ для развитія идеи абсолютизма и бюрократизма и уничтоженія всего, что было сдѣлано въ прошлое царствованіе для развитія свободы и личной инициативы.

Какъ образчикъ пропаганды „на законномъ основаніи“ социалистическихъ идей, можно провести передовицу „Московскихъ Вѣдомостей“ по поводу закона о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ. Приведу выдержки съ курсивомъ подлинника. „Съ точки зрѣнія всего нашего прошлаго, освобожденіе крестьянъ *безъ земли* невозможно себѣ и представить (а Юрьевъ день?); но не болѣе мирится съ нашимъ историческимъ опытомъ и то совершенно новое основаніе этого надѣленія землей, которое всего характернѣе и короче выразилось въ наименованіи „*крестьянинъ-собственникъ*“, присвоенномъ крестьянамъ, совершившимъ выкупныя сдѣлки. Далѣе, базируясь на ложности направленія прошлаго царствованія, основаннаго „на Западно-европейскихъ“ бредняхъ о свободахъ и поддѣлываясь къ извѣстной идеѣ Каткова о необходимости „возвращенія правительства“, авторъ все сводитъ къ отрицанію частной собственности, говоря конечно только о крестьянахъ, но отъ этого основная идея не теряетъ своего общаго значенія. Называя такой законъ „невиданнымъ и небывалымъ ограниченіемъ правъ собственности чуть не всей массы населенія“... „превращеніемъ колоссальной частной собственности, свыше ста тридцати милліоновъ десятинъ, изъ вычуждаемой (частной) въ неотчуждаемую (общественную), авторъ восхищается этой мѣрою и совершенно основательно приходитъ къ заключенію, что при такихъ условіяхъ операція *выкупа* не имѣетъ никакого смысла, и предлагаетъ замѣнить ее *впчымъ оброкомъ*. Эта статья по всей вѣроятности составляетъ катехизисъ раскаявшагося анархиста, сотрудничающаго въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Его идеи проглядывали въ 1891 г. во время голода, когда онъ предлагалъ установить принудительныя цѣны на хлѣбъ. Петровскій (редакторъ) и К.⁰ очевидно по недалности своей всего этого не замѣчаютъ. Интересно,

что „Русскія Вѣдомости“, въ программу которыхъ несомнѣнно входитъ государственный социализмъ, высказываютъ крайнее недовольство новымъ закономъ. О, Господи, какіе же они всѣ невѣжи!

*

8 Февраля. Катастрофа, случившаяся со мной и *, произвела, повидимому, на послѣдняго неблагоприятное дѣйствіе. Онъ не только въ значительной мѣрѣ присмирѣлъ, но пускается на такія дѣла, которыя не рекомендуютъ его гражданской доблести. Лишившись значительной доли гонорара, онъ теперь не прочь, подобно многимъ другимъ, попользоваться хотя бы мелочью на счетъ общественнаго пирога. Недавно онъ просилъ разрѣшенія напечатать въ „Ученыхъ Запискахъ“ второе изданіе своего руководства. Это значитъ безъ всякаго основанія запрашивать себѣ подачки въ 500 р., хотя для него не было бы никакого риска напечатать руководство на свой счетъ. Я замѣтилъ въ факультетѣ, что печатаніе руководствъ въ Ученыхъ Запискахъ можно допускать лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они не могутъ окупаться въ видѣ отдѣльныхъ изданій; но * не хотѣлъ понять моего намека, хотя изъ бывшаго между нами потомъ короткаго разговора онъ несомнѣнно понялъ, что я считаю такой поступокъ неблагоприятнымъ. Приходится и въ этомъ человѣкѣ разочароваться. Хотя я всегда считалъ его большимъ эгоистомъ, но думалъ, что онъ въ состояніи сдерживать свой эгоизмъ въ границахъ порядочности. Не даромъ, впрочемъ, нѣкоторые говорятъ, что у насъ въ Россіи не существуетъ элементарныхъ понятій о чести и долгѣ.

*

Отъ 4 до 11 Января былъ съездъ естествоиспытателей и врачей. Противъ ожиданія, я все время чувствовалъ себя на столько бодрымъ и сравнительно здоровымъ, что 12 Января повезъ даже нѣкоторыхъ пріѣзжихъ химиковъ въ Стрѣльну. Вѣроятно этому содѣйствовало то нѣкоторое нравственное удовлетвореніе, которое я не могъ не испытывать, видя къ себѣ общее сочувствіе со стороны всѣхъ химиковъ. Исключеніе составляли Меншуткинъ и Зелинскій; но послѣдній совершенно стушеввался. Меншуткинъ по обыкновенію держалъ себя безтактно съ какимъ-то генеральскимъ пошибомъ, что ему ни съ какой стороны не пристало. Съездъ былъ, какъ предыдущій, съ трескучими публичными рѣчами о „матеріяхъ важныхъ“. Рѣчей почти никто не могъ хорошенько разслышать, а тѣмъ не менѣе имъ усердно хлопали. Хлопали Данилевскому, проповѣдывавшему въ своей рѣчи „чувство и жизнь“ крайній матеріализмъ; но такъ же усердно хлопали и Цингеру,

доказывавшему, что тѣ выводы, которые физиологи считаютъ результатомъ своихъ опытныхъ изслѣдованій, опыту вовсе не подлежатъ. Наконецъ хлопали уже совсѣмъ ни съ чѣмъ несообразной ерундѣ, которую проповѣдывалъ Колли. Самымъ отраднымъ явленіемъ, случайно связавшимся съ сѣздомъ, была необычайная демонстрація, которую устроила публика графу Л. Толстому. Онъ пришелъ послушать рѣчь Цингера и сѣлъ въ заднихъ рядахъ на эстрадѣ. Студенты узнали объ этомъ и въ антрактѣ подняли крикъ передъ гостиной, куда ушли всѣ съ эстрады, вызывая его къ себѣ. Едва удалось удержать толпу, чтобы она не вломила въ гостиную. Пришлось скорѣе, чтобы успокоить вызовы, возобновить засѣданіе, и Толстого просили сѣсть въ первомъ ряду, подлѣ предсѣдателя. Съ появленіемъ его поднялся такой громъ рукоплесканій и возгласовъ, какого мнѣ не приходилось еще слышать. Аплодисменты долго не смолкали, хотя Толстой съ виду относился къ нимъ несочувственно и только одинъ разъ раскланялся съ публикой. Я далеко не Толстовецъ, но всетаки отратно видѣть со стороны лицъ, чрезвычайно различныхъ направленій и взглядовъ такое отношеніе къ человѣку, котораго можно критиковать, но которому нельзя отказать въ искренности его пропаганды и всей его частной дѣятельности. Въ наше время отсутствія всякихъ принциповъ, а слѣдовательно и отсутствія уваженія къ нимъ, повторяю, такой взрывъ энтузіазма, хотя бы на мгновеніе, дѣйствуетъ какъ-то освѣжающе и заставляетъ невольно многое извинять и со многимъ примириться.

*

7 *Марта*. Вчера происходило юбилейное чествованіе 25-лѣтней профессорской дѣятельности трехъ профессоровъ медицинскаго факультета Кожевникова, Черинова и Макѣева. Сегодня появилось подробное описаніе въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Особенно постарались написать друзья Кожевникова. Помѣщенъ цѣликомъ весь очень длинный адресъ, въ которомъ прославляютъ необычайныя и педагогическія заслуги профессора, создавшаго якобы Московскую школу невропатологовъ. Будущій историкъ, если вздумаетъ по этому отчету составить представленіе о значеніи Кожевникова для Русской науки, будетъ введенъ въ глубокое заблужденіе. Кожевниковъ представлялъ всегда самую заурядную посредственность и попалъ на кафедру нервныхъ болѣзней только потому, что въ данный моментъ она оказалась свободной. Предложили бы ему судебную медицину, онъ бы взялъ и ее. Вообще это научный нуль, и свою дѣятельность онъ посвящалъ преимущественно практикѣ, но не нервной, а вообще медицинской, за исключеніемъ хирургіи. Въ постройкѣ психіатрической клиники онъ тоже столь-

ко же виновать, какъ и я. Умеръ богатый фабрикантъ . . . , психически больной, вѣроятно отъ сифилиса, и оставилъ 500000 на благотворительныя дѣла. Жена рѣшила построить въ память его клинику въ 350000. Знаменательно, что Мержеевскій пріѣхалъ на юбилей изъ Петербурга безъ всякаго адреса и только привезъ дипломъ на почетнаго члена Психіатрическаго Общества. Очевидно, что Петербургскіе психіатры нашли излишнимъ лгать, выставяя небывалыя ученныя заслуги юбиляра. Въ отчетѣ сказано, что оба знаменитые ученые долго жали другъ другу руку... и чувствовали себя, вѣроятно, очень неловко; можно было бы прибавить: такъ-то создается исторія! Макѣвцы постыдились описывать свое празднованіе подробно. Во всякомъ случаѣ болѣе заслуживалъ чествованія Чериновъ. Не имѣя порядочной школы и научной подготовки, онъ все-таки въ извѣстной степени старался, когда былъ болѣе молодъ, дополнить свое научное образованіе за границей и работалъ въ лабораторіяхъ. Возвратившись въ Москву и попавъ снова въ антинаучную среду здѣшняго медицинскаго факультета, онъ, конечно, бросилъ работать и пустился въ практику; но у него долгое время сохранялась и билась научная жилка. Благодаря этому онъ обставилъ свою клинику наиболѣе научно и привлекалъ къ себѣ въ ординаторы бывшихъ естественниковъ, поступившихъ на медицинскій факультетъ. Меня, можетъ быть, заподозрятъ поэтому къ нему въ нѣкоторомъ пристрастіи. Но ктоже не согласится, что окончившій курсъ на естественномъ отдѣленіи и въ особенности работавшій въ лабораторіи имѣетъ болѣе солидную подготовку къ изученію медицины, чѣмъ гимназистъ, поступившій на медицинскій факультетъ? Противнаго мнѣнія можетъ держаться только Клейнъ, деканъ медицинскаго факультета, который дѣлаетъ естественникамъ всякія затрудненія для поступленія на медицинскій факультетъ; но за то Клейнъ и не произвелъ на свѣтъ во всю свою жизнь ни одной научной работы, хотя и пользуется большимъ уваженіемъ на медицинскомъ факультетѣ. Но вѣдь для этого не требуется научныхъ достоинствъ, а лишь до поры до времени полнѣйшая скромность, а затѣмъ поменьше заботъ о научномъ достоинствѣ факультета.

*

11 Мая. Я давно не заглядывалъ въ эту тетрадку, но право, какъ-то нѣтъ охоты писать, потому что приходится заносить мало отрадные факты. Кругомъ повсюду съ одной стороны безшабашный произволь, а съ другой непроглядное раболѣпіе. Даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ видишь желаніе дѣлать хорошее и приносить пользу, и тутъ всюду можно усмотрѣть не болѣе, какъ благонамѣренный произволь и

притомъ повсюду безсистемность. Года два тому назадъ пришли, напр., къ убѣжденію, что у насъ смѣшно говорить о недостаткахъ земли, даже въ самыхъ населенныхъ губерніяхъ, а слѣдовательно заботиться о переселеніяхъ въ Сибирь значить содѣйствовать тому вредному укоренившемуся у крестьянъ убѣжденію, что нѣтъ надобности вкладывать въ землю больше труда и капитала, когда вспаханную и истощенную землю можно бросить и переселиться на новую, гдѣ все будетъ родиться, стѣить только поковырять немного землю и бросить въ нее сѣмена. Проникнувшись наконецъ здравымъ взглядомъ, рѣшили не давать переселенцамъ земли, но впрочемъ тутъ же сейчасъ сдѣлали исключеніе въ пользу кабинетскихъ земель на Алтаѣ. Тамъ переселенцевъ велѣно допускать. Но какъ узнать здѣсь, въ центральной Россіи, куда двинется переселенецъ, когда получить увольнительное отъ общества свидѣтельство? Въ результатъ получилось то, что число являвшихся ежегодно въ Сибирь крестьянъ не уменьшалось, а за послѣдніе, неурожайные годы, даже увеличилось. Но интересно то, что съ началомъ постройки Сибирской ж. д. правительство совершенно измѣнило и взглядъ, и систему дѣйствій. Рѣшено содѣйствовать всѣми мѣрами устройству поселеній вдоль линіи дороги, и вотъ пошла писать губернія. Командируются чиновники для опредѣленія пунктовъ поселеній. Они, получая прогоны и суточные, конечно очень довольны и опредѣляютъ сіи пункты.

Къ стыду профессорской коллегіи нашелся даже одинъ знаменитый профессоръ (Горничъ-Горницкій), который впрочемъ и профессорскія обязанности исполнялъ главнымъ образомъ тѣмъ, что 20 числа получалъ жалованье. Сей мнимоученый, извѣстный между химиками тѣмъ, что въ своихъ диссертацияхъ описалъ открытія, которыхъ никогда не дѣлалъ, тоже отправился по порученію министра государственныхъ имуществъ изучать мѣста для поселеній. На этотъ разъ у него вышло наоборотъ. Въ Географическомъ Обществѣ, гдѣ онъ дѣлалъ свое сообщеніе, ему доказали, что все имъ вновь открытое уже давно извѣстно, и кромѣ того онъ еще многого не знаетъ, что знаютъ всѣ мало мальски занимавшіеся этимъ вопросомъ.

Повидимому, главнымъ инициаторомъ въ устройствѣ поселеній по линіи ж. д. является Витте. Его цѣль сдѣлать дорогу болѣе доходной. Но почему-же другіе министры, засѣдающіе въ этомъ комитетѣ, не отстояли своего прежняго взгляда на переселенческій вопросъ, взгляда, имѣвшаго въ виду болѣе общія культурно-государственныя цѣли. Отвѣтъ на этотъ вопросъ мнѣ кажется простой: у насъ не въ обычаѣ у государственныхъ людей серьезно вдумываться и обсуждать

сообща, на сколько извѣстная мѣра, извѣстный законъ могутъ кореннымъ образомъ повліять на ту или другую сторону развитія государственной жизни. Если самъ Императоръ, какъ это было, напр., при Николаѣ, обладаетъ на столько обширнымъ и твердымъ умомъ, что можетъ составить извѣстное мнѣніе и проводить извѣстную идею; то правильно или неправильно, полезно или вредно, но всѣ части государственной машины все-таки работаютъ согласно. Но какъ скоро нѣтъ такой общей, направляющей воли, то все зависитъ отъ того, какой министръ въ данный моментъ имѣетъ преобладающее значеніе и какъ складывается въ верхнихъ сферахъ политика, точнѣе, интриги между министрами, въ результатѣ и получается, что завтра разрушается то, что создавалось вчера. Теперь министръ финансовъ Витте болѣе и болѣе забираетъ силу. Его предшественникъ Вышнеградскій сразу наматалъ себѣ на руки возжи и осадилъ всѣ министерства, постоянно стремившіяся увеличивать свои бюджеты и дѣлавшія крупныя сверхсметныя расходы. Витте, не чувствуя себя столь сильнымъ, будучи помягче, оказался покладистѣе. Вышнеградскій и въ домашней своей жизни весьма умѣренъ и даже скупъ. Вообще, не смотря на всѣ замѣчательныя способности, въ его государственной дѣятельности рѣзко отражается его личный характеръ. Какъ онъ ни стѣснялся въ способахъ наживать свои милліоны, такъ велось имъ и государственное хозяйство. Это былъ не министръ финансовъ въ истинномъ смыслѣ, а дисконтеръ *en grand*. Какъ Бунге былъ остроженъ и лойяленъ, проводя безъ рѣзкихъ потрясеній составленный имъ планъ упорядоченія нашихъ финансовъ, такъ, наоборотъ, Вышнеградскій валилъ на проломъ, не обращая ни на что вниманія и забывая основную экономическую истину, что только то государство можетъ развиваться экономически быстро и крѣпко, которое вполне гарантируетъ своимъ гражданамъ ихъ собственность въ широкомъ смыслѣ этого слова. А между тѣмъ безнаказанный произволъ, переходившій у Вышнеградскаго всѣ границы самаго скромнаго приличія, привелъ къ концу его министерства къ тому, что началъ явственно обрисовываться застой въ коммерческихъ дѣлахъ. Никто не рѣшался начать что-нибудь крупное, боясь, что онъ придерется къ чему нибудь и наложить свою загребистую лапу. Витте тоже понялъ, что, не будучи первымъ министромъ *de jure*, онъ можетъ быть *de facto*, имѣя въ своихъ рукахъ деньги. Но въ противоположность съ Вышнеградскимъ (настоящимъ Русскимъ) этотъ Нѣмецкаго племени, человекъ—настоящая широкая Русская натура съ тою лишь разницей, что Русскій представляетъ образчикъ лѣнивѣйшаго въ мірѣ животнаго, а онъ работаетъ самъ много и другихъ заставляетъ работать. Нельзя не признать, что, случайно то или нѣтъ, но его фи-

нансовыя мѣропріятія правильнѣе, а взглядъ несомнѣнно шире, чѣмъ у Вышнеградскаго. Менделѣевъ высказывался мнѣ о Витте совершенно наоборотъ, вѣроятно потому, что онъ самъ еще болѣе узокъ и одностороненъ въ своихъ экономическихъ воззрѣніяхъ, чѣмъ Вышнеградскій.

Въ то время, пока Ермоловъ топчется на одномъ мѣстѣ, сочиняя различные проекты, мертворожденность которыхъ видна съ перваго взгляда, Витте идетъ смѣло на проломъ, захватывая самую суть дѣла. Его общая финансовая система можетъ оказаться ложной, но каждая реформа отдѣльнаго управленія, отличаясь несомнѣнной практичностью, достигаетъ намѣченной цѣли. Во всѣхъ ихъ есть одна вредная сторона: всѣ реформы между прочимъ и часто главнымъ образомъ направлены къ открытію новыхъ источниковъ доходовъ, т. е. другими словами, къ увеличенію податныхъ тягостей и безъ того лежащихъ невыносимымъ бременемъ на народѣ.

